

Пионер

N:II
1933
июнь

Изд-во ЦК ВКП/б „Правда“

ПОДПИСЫВАЕМСЯ НА ЗАЕМ

Московские пионеры демонстрируют заем в ГОД ПЯТИЛЕТКИ

Передовые отряды пролетариев Советского союза, тульские и краснопутиловские рабочие, выдвинули идею выпуска нового займа — первого займа второй пятилетки. Тульцев и краснопутиловцев единодушно поддержали миллионы масс рабочих и трудящихся всей страны. В ответ на их требования правительство Советского союза постановило: выпустить заем первого года второй пятилетки.

Выпуская новый заем, как и прежние займы, правительство выполняет дело трудящихся, которые под руководством партии строят на свои собственные средства гиганты индустрии, крупнейшие социалистические сельскохозяйственные предприятия.

День опубликования постановления правительства о новом займе явился праздником пролетарской сознательности. С величайшим энтузиазмом пролетарии Москвы, Ленинграда, Харькова, Магнитогорска, колхозники Украины, Северного Кавказа, все рабочие, трудящиеся, ученые, писатели, пионеры и школьники нашей страны развернули подпись на новый заем.

Социалистическая Москва сразу заняла ведущее место. И уже через несколько дней рапортовала партии и правительству о величайшей сознательности рабочих и трудящихся, разместив займа на 389 млн. 400 тыс. рублей. Этим самым Москва показала полную готовность рабочих, колхозников и всех трудящихся беззаветно бороться за осуществление второй пятилетки, «за полное торжество социализма под испытанным руководством Центрального комитета партии большевиков и товарища Сталина».

Пионеры и школьники не отстают от своих отцов и матерей. Краснопутиловские пионеры в день обращения своих отцов о займе телеграфировали в Москву о своем присоединении к просьбе отцов и заверили, что новый заем по-ударному, по-социалистически будут распространять. Когда было объявлено постановление правительства о займе, краснопутиловские пионеры первыми подписались на заем.

За пионерами-краснопутиловцами выступили пионеры завода «Большевик», охватив поголовно всех ребят подпись

на новый заем. Они выпустили бюллетень, посвященный займу, послали группы агитаторов на завод и рассказали рабочим, что построено на наши займы. Вместе с ячейкой комсомола пионеры «Большевика» организовали фотопередвижку «Займы беспроигрыши». Бригады пионеров двинулись в жакты с беседами о займе.

Московские пионеры провели многочисленные митинги о новом займе. Ребята с большим воодушевлением приняли новое постановление о займе и по-деловому включились в распространение займа. В школах, в отрядах развернуто социалистическое соревнование. Ребята приняли участие в районных демонстрациях и праздниках, посвященных новому займу. Отрядные живгазеты, затейники двинулись в походы, агитируя за новый заем.

Дубровские пионеры (Нижняя Волга), собравшись на свой слет ударников учебы, горячо приветствуют выпуск нового займа и в телеграмме, присланной на имя «Пионерской правды», обязуются к 1 июня распространить на 5 тыс. рублей облигаций нового займа. Так пролетарские ребята — пионеры и школьники нашего Союза — отвечают вместе с отцами на решение правительства о выпуске нового займа. Вместе с отцами пионеры и школьники вкладывают свои сбережения в строительство социализма, для победы социализма в нашей стране.

В. Т.

В НОМЕРЕ

Е. СМИРНОВ — Подписываемся на заем

2-я стр. обл.

С. ГАРБУЗОВ — Флаг поднимается . . . 1

М. ЧАЧКО — Мой мастер 2

А. ОЙСЛЕНДЕР — Лето (стихи) 4

Н. КАЛЬМА — Знаешь ли ты Московскую область? 5

САМСОН — Хорошо оборудованный лагерь 6

О. ШВАРЦ — Бегство 7

Н. КАЛЬМА — Превращение Чингис-хана 10

Л. КАССИЛЬ — Четыре шага в небо 12

Кузя повит зверей 14

А. ЛЕБЕДЕВ — Комсомольцы в поле (стихи) 14

В. РУДИМ — В санатории (стихи) 15

В. КОЖЕВНИКОВ — Нужно прочесть 16

Обложка — фотомонтаж Л. Матиенко.

Летний отдых

Художники: А. Малейнов, В. Щеглов, Д. Красильников.

Фото: Союзфото, Коновалова, Е. Лемберг.

3-я обложка — фотомонтаж Л. Матиенко

1 мая 1933 г. в Москве.

ПИОНЕР

боевой и старейший
общественно-литературный
журнал пионеров и школьников

№ 11

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени Ленина при ЦК ВЛКСМ

Адрес редакции: М. Черкасский, д. 1, ком. 17
Телефон 2-89-28.

ФЛАГ ПОДНИМАЕТСЯ

С. ГАРБУЗОВ
Фото Союзфото

Кто из нас не мечтал о лагере?

Кто из нас не просматривал с замиранием сердца списка отезжающих в лагеря, боясь не найти в этом списке своей фамилии?

С лагерем для каждого пионера связана воспоминания о весело, интересно проведенном времени, об окрепших мускулах, о бронзовом загаре, о походах, о беседах у костра, об общественной работе среди деревенских ребятишек.

Для каждого ли?

Нет, много еще лагерей проводится плохо, неумело и оставляет у ребят только горькое разочарование.

Опыт прошлых лет показывает, по каким линиям шли главным образом извращения в организации проведения пионерских лагерей.

Вот один лагерь. Ребята ходят по струнке, все время их точно распределено. Каждая минута на учете. Все ребятам предложено делать коллективно, обедать итти, — стройся по ранжиру, играть, — опять по ранжиру. Все ребята с их разнообразными интересами, запросами подстрижены под одну гребенку. Не лагерь, а царская казарма.

А вот противоположный тип лагеря. Ребята предоставлены самим себе. Делай, что хочешь, гуляй, где хочешь, обе-

дай, когда хочешь. Ребята в таком лагере обычно балуются, хулиганят, и после лагеря у них остаются только горький осадок и мысль о том, что ведь, собственно говоря, для того, чтобы лазать по деревьям и бегать каждые полчаса на речку, не нужно было и в лагерь ездить.

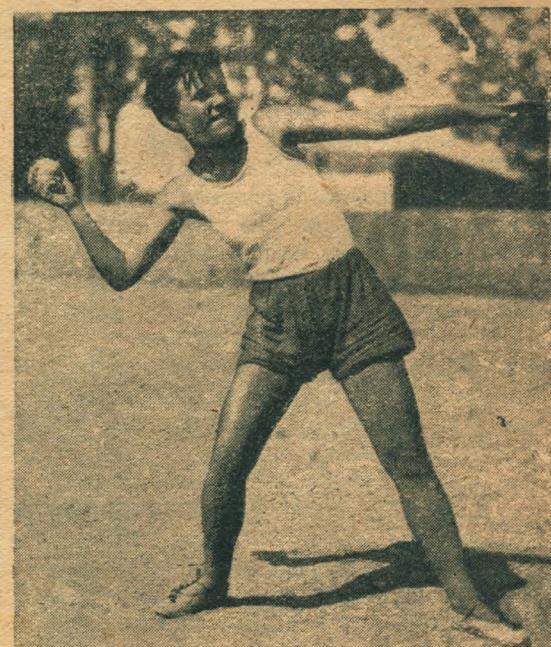
В некоторых лагерях увлекались общественной работой; с утра до ночи трудились ребята на колхозных полях, по обслуживанию лагеря, забывая о необходимости отдохнуть, о необходимости укрепить здоровье и подготовиться к зимней учебе.

Не менее вреден и тот лагерь, в котором царит скука; пионеры ходят, раздирая рты от зевоты, слоняются без дела, не зная, чем бы им заняться, и такой лагерь много пользы не принесет.

Советское правительство и общественные организации затрачивают ежегодно десятки миллионов рублей на проведение пионерских лагерей для того, чтобы в лагере ребята могли отдохнуть, поправиться, весело и полезно провести свой отпуск, получить зарядку для предстоящей учебы. Пионерский актив должен помнить, что именно его поведение, именно его отношение к лагерной работе решают в основном успех лагерей.

Что должен знать каждый пионер-активист?

Лагерь — не больница, но в лагерь вы приехали отдохнуть, поправиться; поэтому необходимо строжайшее соблюдение правил внутреннего распорядка, строжайшее соблюдение того режима дня, который для лагеря установлен. Это первое условие нормальной работы лагеря.

Метание мяча развивает ловкость

Но как должен быть составлен этот лагерный режим, как должно быть составлено расписание лагерной жизни? Во-первых, не следует каждое движение ребят связывать определенными правилами, определенными законами. В лагере должно быть больше времени для занятия ребят любимым, интересующим их делом: для работы различных кружков, технических групп, для чтения книжек, для рыбной ловли и пр. и пр. Во-вторых, не нужно предоставлять ребят самим себе, не нужно, чтобы часы свободных занятий превращались в часы скуки, в эти часы в лагере должен работать клуб, читальня, затейники, массовики, все должны быть готовыми удовлетворить разнообразные желания ребят по организации своего свободного времени.

Не нужно увлекаться физической работой. Это не значит конечно, что надо отбросить всякую общественную работу. Совсем нет. Плох будет тот лагерь, который отгородится от деревенских ребятишек, который не поможет колхозному отряду хорошо наладить свою работу. Оставить после себя в колхозе крепкий пионерский отряд — важнейшая задача для каждого лагеря.

Успешное проведение лагеря наполовину зависит от того, как мы к лагерю подготовимся. Заранее в городе распределить ребят по звеньям, выбрать взятых звенев, заранее составить план работы лагеря, условиться, что надо с собой в лагерь взять, что к лагерю подготовить, условиться, какое звено какую работу в лагере будет вести, чтобы звено могло к этой работе подготовиться.

Только таким образом подготовленный и проведенный лагерь даст нам бодрую зарядку, останется приятным воспоминанием для каждого пионера и школьника.

Среди зелени и солнца приятно повеселиться

МОЙ МАСТЕР

«Мой мастер» — это отрывок из книги М. Чачко «Люди моего завода». Эту книгу нужно прочесть. Она рассказывает, как Петька Каленчук, старый пионер, став комсомольцем, начинает новую жизнь. Из фабзавуча он перешел в цех. Он стал активным строителем социализма.

Как он работает в бригаде плею к плечу с опытными рабочими, что его интересует, чем он оправдывает звание комсомольца в повседневной работе? Об этом узнаете в отрывке из повести.

М. ЧАЧКО
Рис. В. Щеглова

Мастер был хмур и зол. Он исподлобья смотрел на меня и все время молчал. Я не знал, чему приписать такую внезапную угрюмость. Это было тем более странно, что мой мастер был человек добрый. Я с опаской и тревогой наблюдал за ним. Он заметил и внезапно обратился ко мне:

— Что ты на меня смотришь? Ты вот на штамп посмотри.

— А что? — тревожно спросил я.

— Да ничего, только вот... там многое рационализировать нужно!

— Так в чем же дело? — засмеялся я.

— А ты попробуй! — подзадорил меня мастер.

Я внимательно всмотрелся в штамп. Там действительно требовалась рационализаторская работа. Но сколько я ни смотрел, ничего не мог придумать. Я начал злиться.

— Ну как? Придумал? — поутру спокойно спросил меня мастер.

— Нечего придумывать! — зло ответил я. — Пусть так будет.

— Эге, братишка, не скипидарь: придумать нужно, нужно, да! И надо придумать! — твердо проговорил он. — А если мы не придумаем, то кто же нам поможет? Никто нам не поможет. Буржуев прогнали, сами строим, работаем,

Америку нагоняем, а такую мелочь сделать не можем. Руками все мы охотно работаем, а вот смекалкой еще на пользу строительства поработай. Мозги шевельни и так и этак. Это, брат, не ответ: «Не можем». Мы все можем. А ты думай. Может, чтонибудь с тобой и придумаем.

С этого дня мы по вечерам оставались в цехе и все мерили, считали, планировали. Мастер мой осунулся, побледнел, только глаза его блестели чудесным блеском. Мы мозговали.

И настал день, когда новый штамп мы сконструировали.

Когда инженеры из конструкторского бюро пришли к нам рассказать о результатах испытания, моего мастера не было. Они мне сказали, чтобы я передал Игнатьеву, что штамп на конструкторском бюро утвержден в общих чертах, что в техническом отношении там многое пошло на нет, но они исправят.

Они ушли. Пришел мастер.

— Что сказали? — с внешним спокойствием спросил он.

— Утвержден! — радостно вскричал я.

— А еще? — настаивал мастер.

— Так, ничего, только... Да в чем дело, лишь бы утвержден был.

— Да ты рассказывай, — зло сказал он, — все рассказывай.

— Технически слаб, отдельные части проекта исправлены, — обиженным тоном говорил я. Мне казалось, что все это мелочи, главное — лишь бы проект был утвержден.

— Вот, малец, — пылко заговорил мастер, — придумать мы придумали, да еще плохо, знать, придумали, — грамоты у нас еще мало. Учиться надо. Крепко учиться. Многое можем мы придумать, да вот знания нехватает. Ты вот сейчас где учишься? — неожиданно спросил он.

— Да я недавно фабзавуч окончил.

— Ну и что же?

— Да так. Думаю в вечерний техникум подавать.

— Правильно, вот молодец! И я туда подам. Как думаешь, не зазорно мне, старику, с такими пацанами на одной скамейке сидеть?

— Ой, не зазорно, право нет!.. Вот хорошо будет! — весело закричал я. — Да вам немного подучиться, так вы любого инженера за пояс заткнете.

— Ну, да ты не загинай больно. Свои силы знаем, подковаться всем нам нужно. Стране польза будет. Так решено, — учиться идем! На старости лет! — покачал он грустно головой. — Ну ничего! — бодро закончил он. — Раньше нас не обутили, зато теперь наверстаем. Наверстаем, правда?

— Правда.

И мы вместе, я и мой старый мастер стали по вечерам посещать заводской техникум.

Нашей бригаде достались большие шлифовальные станки. Было нас четверо. работали мы по двое на станке. Я работал на пару со Степаном Лазаревичем. Это был высокого роста старик, налитой, грузный. Станки он знал в совершенстве.

Я присматривался к нему и учился его мастерству. Мы работали молча.

— Одолей ее, вот эту машину, быстро! — нарушил молчание Степан Лазаревич. — А как ее быстро сделать-то? Бугры, бугры на полосе, как зубы, торчат.

Какая-то мысль, засевшая у него в голове, не давала старому мастеру покоя и верно потому он так много разговаривал.

Я промолчал.

Всякие фантастические бредни приходили мне в голову. Я вспоминал великих изобретателей, которым случай помог удивить мир невиданным и чудесным изобретением. Приходил мне в голову и Ньютон. Ведь падающее с дерева яблоко осенило его мозг великим открытием — открытием закона о всемирном тяготении.

Вспомнил древнего мудреца и великого изобретателя Архимеда.

Лежа в ванне, он почувствовал и осознал, что тело, погруженное в жидкость теряет в своем весе ровно столько...

Еще и еще...

Об изобретателях у меня были самые смутные и туманные представления. Они мне казались людьми особого порядка, не похожими на всех нас. Что-то должно быть у них в глазах, думалось мне. И они всегда думают о чем-то большом и значительном. Я никогда не видел изобретателя.

О поэтах, художниках и изобретателях я думал всегда с восторженностью. Когда я поступил в бригаду ремонта, мне сказали, что вместе со мной работает изобретатель. Но я никак не мог догадаться, кто бы это мог быть.

И однажды я спросил:

— Степан Лазаревич, кто это в нашей бригаде изобретатель?

Степан Лазаревич озабоченно нахмурил лоб, минутку подумал и ответил:

С этого дня мы начали мерить, считать, планировать

— Все мы так вот, понемногу, улучшаем производство, а изобретателей специально нет, кажется, у нас в бригаде. Право нет. А может быть, кто и изобретает, да скрывает, только не может этого быть. А ты что, интересуешься?

— Да я так, — ответил я и больше об изобретателе не спрашивал.

Мне стало грустно.

— Ты что это нос повесил, малый? Рогожного знамени испугался, а? Ничего! — успокаивал он меня. — Не допустим. Наляжем, руками, головой, сердцем возьмемся за дело. Неужели нам перед таким простым делом руки опустить? То ли мы делали?

— Степан Лазаревич, что-нибудь надо крепкое сделать, а как его делать, когда вот мы уже несколько дней с этим станком возимся и не можем окончить. А вы смотрите, сколько там станков нас до жидаются!

— Одолеем, парень, одолеем. Ты смотри, — сказал он мне, — как супорта скользят, смотри, видишь?

— Ну и что же?

— Да ты всмотрись!

Я напряг все свои зрительные способности, но ничего особенного не видел.

*

Все работали быстро, немного нервно. Очищая шестеренки, я тихо спросил:

— Степан Лазаревич, что успели придумать?

— Придумал! — горячо заговорил он, — Хорошо придумал, только вот чертежик никак составить не могу. Этак эскизик набросал.

— Что ж это придумали? — полюбопытствовал я. — Большое дело?

— Благое дело, дело — малина, — убежденно сказал Котляр. — Только вот чертежик правильно составить.

— Но что же вы все-таки придумали? Какое такое улучшение?

— Радикальное улучшение, да!

Все эти разговоры мы вели, быстро собирая части станка, проверяя ходы и внимательно вслушиваясь в ход шестеренок.

Я наблюдал за Котляром. Мне хотелось узнать, что он изобрел, хотя, казалось мне, навряд ли он придумал что-либо такое, что могло бы меня удивить. Ведь он был совсем такой обычный и знакомый.

«Откуда у него великие мысли? Неоткуда, — думалось мне. — Ему теперь лет сорок пять, а если до этого времени ничего такого большого не придумал, то на старости ли лет ему изобретать?»

И как бы отвечая моим мыслям, Степан Лазаревич сказал, как будто ни к кому не обращаясь:

— Трудное оно дело — большое придумать, непривычно, но нужно, главное нужно, — повторил он с каким-то упорством.

*

Вертя ручку самодвижущегося суппорта, мастер говорил:

— Я вот такой станочек изобрел, чтобы он сам шабровал станины.

Мы все на мгновенье оставили работу и недоуменно застыли. Страх, сомнение и надежда мелькнули на наших лицах.

— Чего уставились? — смущенно проговорил он. — Я вот эскизик набросал, да еще мало в нем толку, надо нам всем обмозговать.

Мы все ринулись к чертежу.

Черная смятая бумажка была испещрена какими-то линиями. Мне было непонятно. Мастер принял с жаром нам обяснять, но потом спохватился, спрятал эскиз в карман и сказал:

— Во время обеда обсудим, а теперь работу кончать надо.

Тотчас же после гудка вся наша бригада тесно сгрудилась возле Котляра. Грязным и обмасленным пальцем он во-дил по бумажке.

Это был даже не эскиз, это была просто мысль, которую мастер пытался пе-

— Надо инженеру дать, — угрюмо проговорил Точенов, — сам ни черта ты не добьешься.

«Вот и изобретатель! — с удивлением и печалью думал я. — Совсем это простое такое дело».

Не то я думал об изобретателях, когда читал книжки о великих людях.

Я хоть не был полностью уверен в большой значимости изобретения Котляра, но все же чувствовал, что рушится мое детское представление о людях. От этого было больно, это было мое первое детское разочарование.

*

Материал взять нам директор разрешил, и мы приступили к работе. Сейчас же после заводского гудка, кое-как перекусив, мы снова принимались за работу над изобретением.

Работа спорилась. Общее руководство давал Котляр, но изредка приходили и инженеры и давали толковые указания. Изобретение облеклось в стальную форму. Рычаги, шестеренки, площадки — все это, как мускулатурой, облегло скелет чертежа. На наших глазах, нашими руками прекрасная человеческая выдумка воплощалась в нужную, полезную машину.

Это было необычайно и странно. Ничего не было — были шестеренки, болванки, оси, и вот все эти обыкновенные части получали новое назначение, новое качество. Это уже не просто собрание стальных и железных деталей. Нет. Это машина, которой еще не было на свете.

Наша бригада ее породила, и она же ее строила. В темные ночи, в утренние зори мы мечтали о ней. И в грохоте завода гудка и в тишине степи мы вслушивались в ее стройные мотивы. Эта машина пройдет по станинам станков, как корабль. Она снесет черные бугры, как сносит ветер пыль с асфальта.

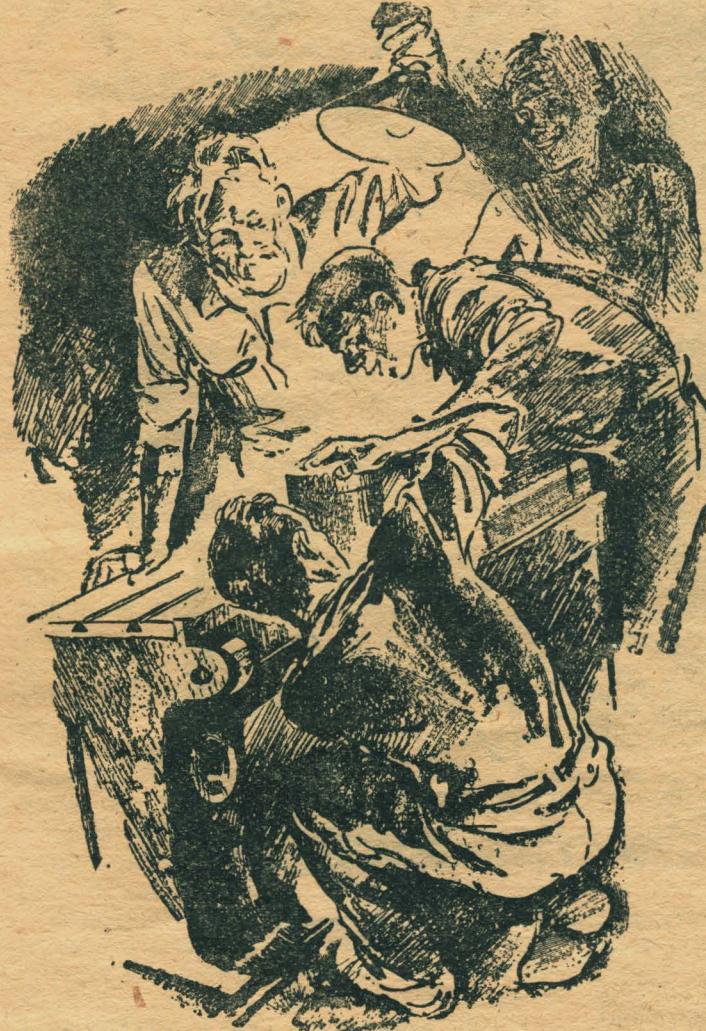
Мы, торжествуя и гордясь, работали что было силы. Проходящие рабочие всячески старались нам помочь: то принесут нужную деталь, то инструмент лучший дадут, то совет хороший скажут.

И все проходящие добродушно и ласково приветствовали нас. Мы работали в укромном месте, но к нам после работы заходили товарищи из цеха, да и из других цехов тоже часто приходили к нам. Их тянуло не простое любопытство. Была у всех большая заинтересованность — любовь к нам и к нашему делу. Это уже становилось делом чести всего рабочего коллектива.

*

Вопрос уже шел не только о том, пригодно ли изобретение Котляра, — вопрос стоял уже вообще о ценности рабочего изобретательства.

В эти дни я забыл о Котляре, я почти не замечал его, подхваченный всеобщим

После гудка мы снова принимались за работу над изобретением

реложить на бумагу. Но это пока плохо удавалось ему. Главное было у него в голове.

— Понятно, — горячо говорил он, — что такой механический способ шабровки станов сразу даст нам возможность отремонтировать все станки в короткий срок. Да, тут у меня пойдут такие зубцы, а здесь он скрепляется со станом, вот так движем его...

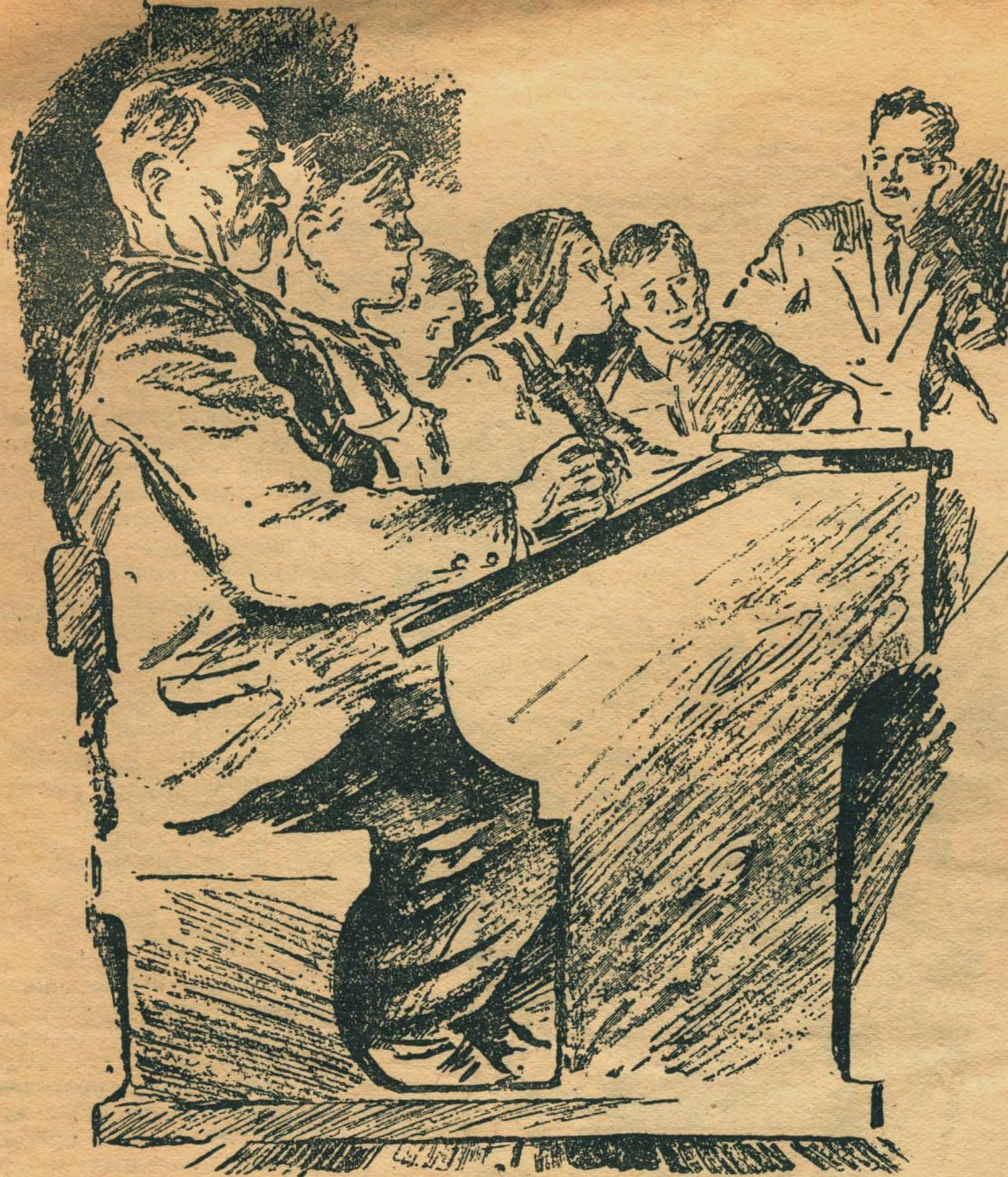
Он волновался, говорил быстро, чуть зякался. Во всех его движениях была какая-то горячность, большая сила и стремительность.

Но трудно ему было. Его душила техническая малограмотность.

Воодушевляясь, он простым языком старался растолковать свою мысль, но беспомощно погружался в море малопонятных ему самому технических терминов.

А технические термины нужны были ему, как читающему книгу нужно знать азбуку.

Он хватался за грудь и скреб рубашку.

Я и мой мастер стали посещать заводской техникум

порывом. С большой радостью и восторгом я отдался работе. Меня радовало, что вот я, самый юный в бригаде, наравне со всеми делаю такое большое дело. И всеобщая любовь и внимание грели меня, как материнская ласка. Я впервые так остро почувствовал, насколько огромно чувство коллектива.

Мы с Котляром как-то работали позже всех. Вечер был тих и задумчив. Мы вышли из цеха освежиться. Мастер уселся на болванку и закурил. Я улегся возле него на темной плите заводского двора. Сверху было звездное небо, далекое и заманчивое. Прямо внизу расстился город в блеске огней, и за городом, вдали, темной лентой вилась древняя река.

Мечты закружились в моей голове. Я подпер лицо руками, посмотрел на млечный путь, волнующий и таинственный, на реку, величественную и древнюю, на мастера — изобретателя чудесной машины — и гордость и мечта охватили меня.

— Степан Лазаревич, — сказал я, — надо такое выдумать... такое...

Он вопросительно обернулся ко мне. Я смущился.

— Чтобы на звезды лететь, — пролетал я в великом смущении. Я вовсе не это хотел сказать.

все знали, что наша бригада все эти дни почти не спала.

Сегодня мы должны были приступить к самой серьезной и ответственной части работы. Все немного волновались.

Степан Лазаревич часто заглядывал в чертежи. Сегодня надо быть настороже. Один неверный шаг, — и трудно будет потом исправить упущенное.

Мы делаем не только модель изобретения. Мы делаем машину, которую должны будем на второй день после испытания пустить на штурм.

Мы работали дружно.

Наша работа близилась к концу. Мы хотели сегодня ночью закончить.

Нас работало шестеро. Рабочие из цеха все пришли бы нам на помощь, но это создало бы только излишнюю толкотню. Остались только трое. Собирали, чистили последние части. Скоро наше детище будет готово.

Мы пустим его по станинам станков, и оно смоет эти позорные бугорки.

Первый гудок пробудит его к жизни. Завтра у нас будет новый товарищ.

Ночь была за окнами, и усталость овладела нами. Еще нужно было небольшое усилие, — и все будет закончено.

И вот, чтобы себя ободрить, чтобы крепче работала уставшая рука, Степан Лазаревич Котляр, мастер мой и учитель, затянул песню. Мы все подхватили мотив песни и запели.

Мы не понимали слов, но слова складывались сами собой, какие-то новые, чудесные.

Работа пошла быстрей.

Победа ждала нас.

И в предчувствии победы слова нашей песни звучали гордостью, пламнем и раздольем.

ЛЕТО

Стих. А. ОЙСЛЕНДЕРА

Лето,
молодость,
здоровье
И чубатых
облак

дым
Наделяют
Быстрой кровью
И загаром молодым.
Мы живем

у темносиней

Штормовой воды.

Вдали

Ропщет ветер

В парусине

И качает корабли.

В нашем лагере,

где звезды

В пять концов

струят лучи,—

Самый лучший

В мире

Воздух

И крольчатник и бахчи.

Для того

дано нам

лето,

Чтоб, окрепнув,

Загорев,

С молодой

Страной советов

Мы трудились на заре.

ТУРИСТ СОБИРАЕТСЯ В ПОХОД

Это были типичные фабзайчата. Вихрастые, напористые, они размахивали руками и наседали на консультантку:

— Дай нам маршрут в Среднюю Азию!

— Ребята, вы сами рассудите: у вас по пятидесяти рублей на брата, куда же вам в Среднюю Азию? Вы и до Ростова едва доберетесь.

— До августа времени много, подрабатываем. А не то — пехом.

— Ну, если так...

Пришлось сдаться и приняться за разработку маршрута в Среднюю Азию.

Туркабинет московского совета ОПТЭ набит людьми, как трамвай. Добраться до консультантки труднее, чем до вершины Эльбруса. Она сидит, зажатая в узкой трещине между людьми, справочниками. Она отвечает сразу на десять вопросов.

«Какое снаряжение нужно брать альпинисту?»

«Как пробраться на Сахалин?»

«Из чего шить спальный мешок?»

До революции люди жили спокойно и оседло. И почти не случалось, чтобы сибиряк стремился на Памир, а памирец совершил путешествие на Дальний Восток.

Теперь страна путешествует. В прошлом году из одной только Москвы путешествовало 200 тыс. чел. В этом году будет еще больше путешественников. Но советский туризм не похож на буржуазный.

Буржуазия путешествует от скуки, трудящийся в путешествии отдыхает, набирает новые впечатления, становится культурней. Для буржуазного туриста красивый вид или цветок важнее, чем люди. Советский турист внимательней всего относится к людям, он видит их труд, наблюдает их жизнь, в случае нужды поможет им. Турист подаст дельный совет, принесет книжку, проведет беседу по различным вопросам хозяйства или международной политики. Словом, он не только турист, но и общественник, и его путешествие от этого делается более полным и целестремленным.

До нынешнего года Общество пролетарского туризма уделяло очень мало внимания детским экскурсиям. Ребята

путешествовали мало и неорганизованно. Иногда ехали даже без руководителя и попадали в очень неприятные приключения. Например группа пионеров отправилась в Сочи и оттуда пешком в Мацесту. Ребята краешком уха слыхали, что существуют мацестинские целебные источники.

По дороге видят — по трубам вода бежит.

— Ребята, давай искупаемся, это на-верно целебная вода.

Залезли, выкупались. Пришли в Мацесту, им предлагают снова купаться.

— Нет, спасибо, мы уже купались.

— Где же это?

Объяснили. Мацестинцы схватились за бока, принялись хохотать.

— Да это вы в сточной воде купались. Из ванн грязная вода в эти трубы стекает.

В прошлом году в Крым ездила с во-жатом первая плановая группа пионеров завода № 24. Ребята доехали поездом до Бахчисарая, осмотрели там старый ханский дворец, потом поднялись на самую высокую вершину Крыма — Ай-Петри — и пешком прошли весь крымский берег до самой Ялты. Из Ялты двинулись в Артек — всесоюзный лагерь пионеров, прожили там несколько дней, осмотрели окрестности и на пароходе поехали в Севастополь, а там в Москву. Вы спросите, где же они взяли деньги на такое путешествие?

Среди пионеров завода № 24 есть энтузиаст туризма Володя Махлюев. Володя организовал ребят, они пустили в школе и отряде подписные листы, устроили лотерею, потом упросили завком отпустить деньги на путешествие.

В результате у них получилась порядочная сумма, достаточная для поездки.

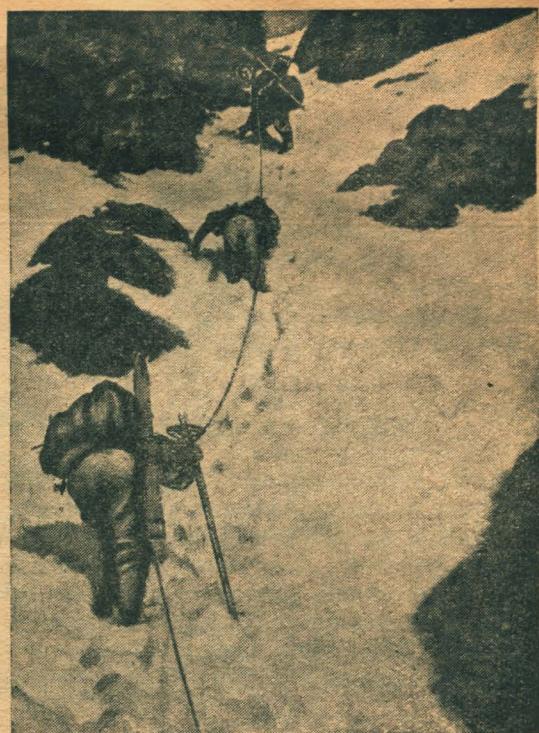
Теперь, как только запахло весной, Володя Махлюев вырос на пороге туркабинета ОПТЭ.

— Ты что? — удивилась консультантка.

— Я насчет нового маршрута. Хотим с ребятами махнуть на Кавказ.

Но в этом году отряд и школа запретили ребятам устраивать лотереи и пу-

Очерк Н. КАЛЬМА
Фото Союзфото

Туристы в Алтайских горах

скать подписные листы. Кроме того поездка на Кавказ обходится гораздо дороже. Поэтому туркабинет уговорил ребят путешествовать по Московской области.

— Знаешь ли ты Московскую область?

— Да, знаю, — ответишь ты, — я в прошлом году купался в Малаховке, я пил чай на даче в Перловке.

— А знаешь ли ты, что Московская область равна по величине среднему европейскому государству, что по Московской области можно путешествовать целый месяц, осматривая все новые места, что ОПТЭ разработало тысячекилометровый маршрут по области?

И здесь ты принужден сознаться, что ты этого не знал.

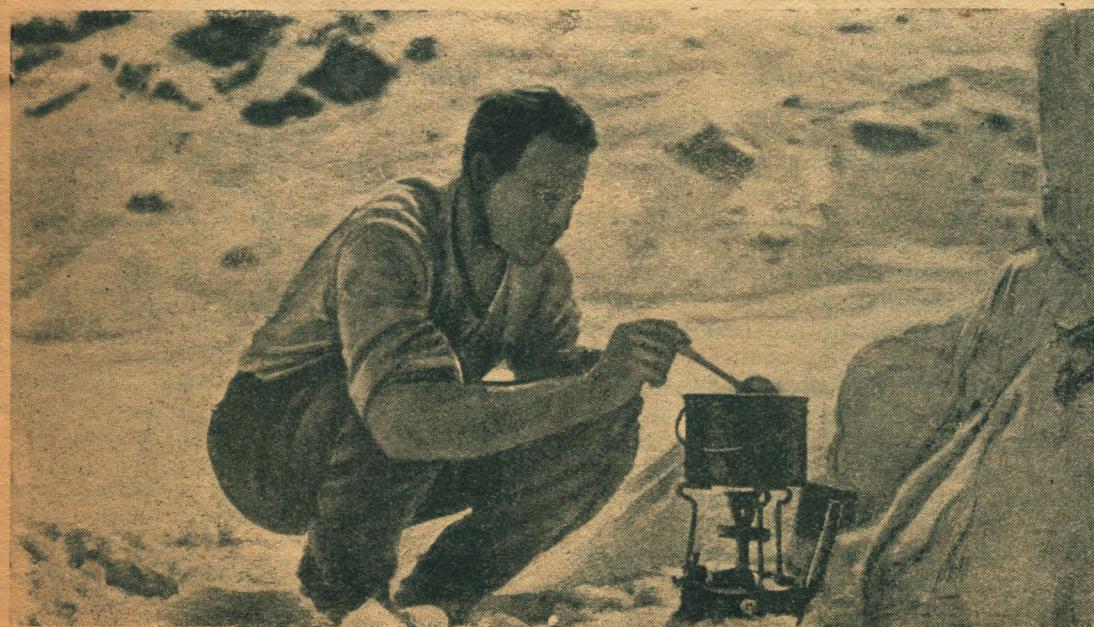
В этом году ОПТЭ широко развертывает детский туризм. Целый ряд учреждений обратился в ОПТЭ с просьбой дать туристам исследовательские задания; и часть этих заданий будет передана ребятам.

У вас свободный день или два, вы повертели задумчиво рюкзаки, потрогали палки. Не пойти ли побродить? Но бродить без цели неинтересно. В Столешниковом переулке, д. № 16 вам дадут маршрут, дадут и задание. Геологоразведка просит разыскать новые месторождения гравия. Гравий нужен для строительства метрополитена. Туркабинет дает маршрут: по всем вероятным гравийным местам должны быть у города Дмитрова и у станции Сходня. Поезжайте, ребята, только не забудьте взять с собой еду.

Волгоканалстрой просит обследовать бесчисленные притоки Москва-реки, составить заметки о состоянии берегов, нанести на карту безымянные притоки, обследовать все пруды и водоемы. Дела здесь хватит на много дней, и все лето вы можете путешествовать по новым местам.

По дороге можете отдохнуть: ОПТЭ устраивает туристские лагеря для ребят в Большеве и Коломенском. Стоит такое путешествие недорого, и учитель или воожатый всегда с удовольствием поедет вместе с вами.

Лето на носу. Школьные ячейки ОПТЭ. шевелитесь! Дело за вами!

В горах тепло и нет ветра

ХОРОШО ОБОРУДОВАННЫЙ ЛАГЕРЬ

Миллионы ребят поедут этим летом за город, в лагеря, чтобы прожить лето на дачах, в палатках, отдохнуть на лоне природы.

Уезжающим ребятам надо знать, что интересного они могли бы устроить у себя в лагере, интересного и полезного.

Вот об этом мы сегодня и побеседуем

Индийский шалаш

Отряд, отправляющийся в лагерь, где для него разбили палатки или приготовили дачи, не должен забывать, что ребятам хочется соорудить что-нибудь свое. Здесь очень уместно вспомнить об индейском шалаше. Достаньте высокие жерди и вбейте их в землю высоким конусом, перевязав в верхней части бечев-

Рис. 1

кой, лентой и т. п. Затем надо нарезать прутья, очистить их от ветвей и листьев и вплетать в жерди параллельно земле, оставляя конечно место для входа. Когда основная работа проделана, шалаш покрывается хвойными ветвями, листьями и превращается в зеленый конус с привлекательной внешностью (рис. 1).

Индийский шалаш хорошо тем, что в нем можно укрыться в непогоду, а если сделать побольше, то в нем можно великолепно спать в час отдыха.

Можно вместо зелени покрыть жерди кусками парусины — это надежнее во время дождя, но с зеленью гораздо приятнее.

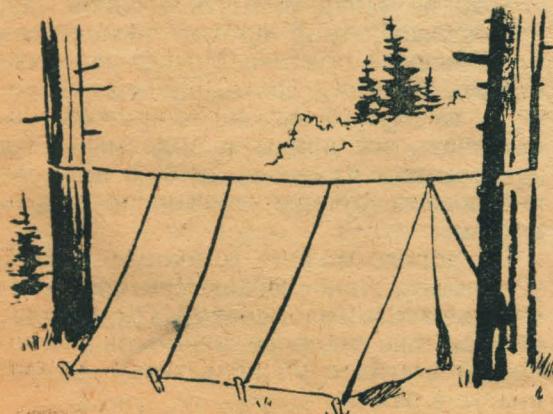

Рис. 4

САМСОН
Рис. Магейнова

Рюкзак

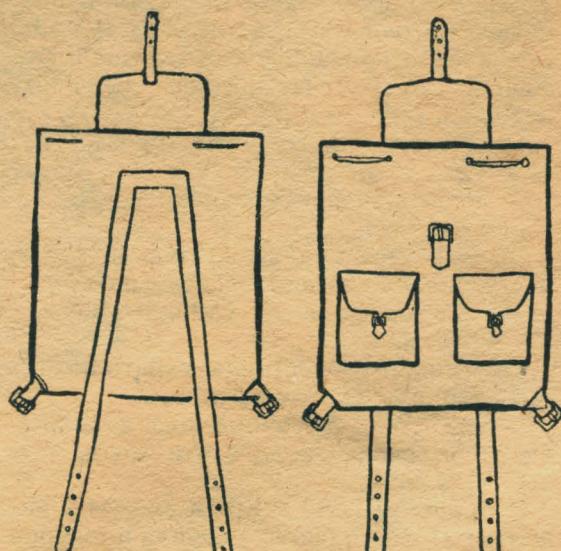

Рис. 2

Что это за непонятное слово? Рюкзак — это заплечный мешок. Ни один турист не обходится без него.

Жить в лагере — это еще не значит сидеть на даче. Уезжаю в лагерь, каждый должен быть готовым отправиться в поход, осмотреть местные достопримечательности, участвовать в военной игре, располагаться на бивуаке и т. п. Тут рюкзак незаменим. Но покупать его пионеру не нужно. Можно сшить самому. Достаньте парусину и брезент, чтобы покрыть площадь 110×55 см., вырежьте, как показано на рисунке, и, сшив две части «а» и «б», мы получим замечательный рюкзак (рис. 2).

Походная палатка

В лагере надо привыкать к походной жизни. Жизнь на даче, к ней не привыкнешь. Поэтому каждый пионеротряд должен добиться того, чтобы у него были походные палатки.

Выйти в лес, разбить палатку, провести два-три дня на бивуаке. Вот жизнь!

Для походной палатки нужно завести парусину или брезент. Но вес палатки будет очень большим, поэтому палатка состоит из шести частей: два треугольника размером 160 см. в боковых сторонах и 200 см. у основания и 4 четырехугольных полотнища по 160×200 см.

Между двумя стойками натягивается бечевка, а по обе стороны расходятся полотнища палатки. Еще лучше, если бечевку натянуть между двумя деревьями. Листья будут дополнительной защитой от ливней.

Как правило, парусина должна быть непромокаемой. Для этой цели ее моют в квасцах, а еще лучше смазывать составом, где воск, растопленный с льняным маслом, делает материю водонепроницаемой (рис. 4 и 5).

Если на каждое звено мы будем иметь по такой палатке, то походы у нас пройдут замечательно. Не нужно будет зарываться в сено, чтобы спокойно проспать ночь во время похода.

Лагерная мебель

На первое место в лагере должна быть поставлена санитарная работа. Чистота — залог здоровья ребят. Умываться лучше всего в реке, на озере, пруду, но без умывальника обойтись нельзя.

Замечательный умывальник можно сделать своими силами. На рис. 3 мы даем изображение такого умывальника. Описывать его устройство вряд ли нужно. Оно становится понятным с первого взгляда. А рядом с умывальником должен быть и туалет. Умылся — хорошо. А как лежат волосы?

Совсем необязательно трюмо. Его в лагере с успехом заменяет туалет с ящиком. Занавеска спускается над полочками, на которых можно увидеть гребенку, щетку.

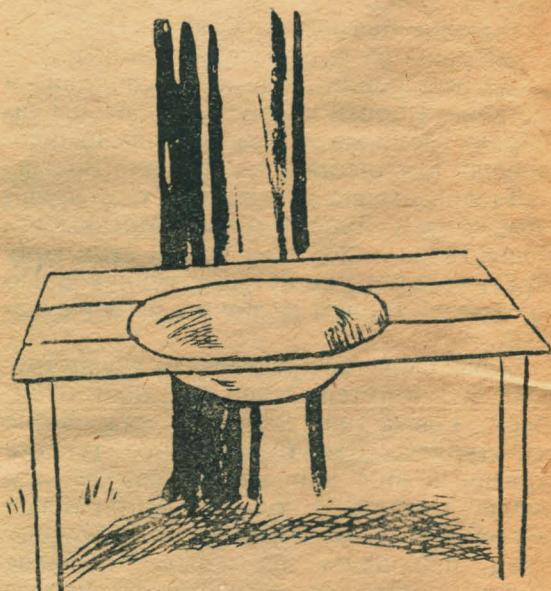

Рис. 3

Много еще чего можно сделать в лагере. Пусть ребята напишут в редакцию, что они еще хотели бы устроить в лагере. Используйте из этой статьи все, что вам может пригодиться в лагере.

Кто сшьет рюкзак, кто поможет сделать туалет, а кто умывальник — всем будет работа.

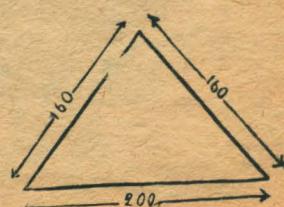
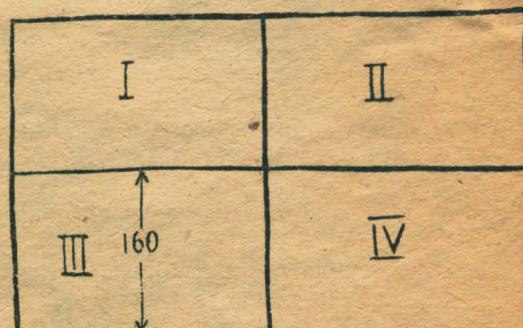

Рис. 5

БЕГСТВО

Неожиданная находка

В селе Кольцевом расположился пионерский лагерь.

Раз утром пионеры высыпали на берег реки Веи, уселись в лодки и поплыли вниз. Через час пристали к песчаному берегу напротив огромного оврага.

Ребята стали купаться. По реке понеслись смех, веселье, крики и плеск воды. От общей группы отделился один пионер и саженками поплыл к оврагу. С берега раздался оклик вожатого:

— Ситников! Гриша! Назад!

Но Гриша Ситников и не думает плыть назад. Чтобы потом все говорили, что он побоялся переплыть через какую-то Вею? Ни за что!

Еще несколько взмахов, и Гриша вылезает на берег.

— Ситников, назад! — кричит вожатый.

Гриша сложил ладони рупором и крикнул:

— Сейчас, отдохну! — и вдруг замер, уставившись на воду: у самого берега на солнечной воде играют всеми цветами радуги маслянистые пятна.

— Нефть! — прошептал Гриша.

— Гриша, назад! — уже сердито кричит вожатый.

Гриша разбежался, прыгнул в воду и поплыл обратно. Разные мысли приходят ему в голову: ведь нашли же нефть на Урале, в Башкирии... Может быть ее здесь целые озера! И откроет их он, Гриша Ситников, пионер 14-го отряда базы завода «Электросвет»...

Звук горна прервал его размышления. Ребята стали выскакивать из воды и усаживаться в кружок. Гриша сильнее заработал руками и ногами и вскоре присоединился к ребятам.

— Ребята, — начал вожатый, — мы приехали в лагерь не только отдыхать. Это вы знаете. Вчера я был в правлении колхоза и узнал, что около пятисот га посевов поражено сорняками. Я думаю, что мы поможем колхозникам полоть. Потом надвинется уборка, молотьба, сенокос, так что нам будет, где применить свои силы...

Вожатый говорил недолго. После его речи поднялся галдеж. Все кричали, размахивали руками, хотели говорить. На силу вожатый восстановил тишину.

И тогда стал говорить Паша Пахомов — вожатый второго звена.

— Конечно, ребята, Митя верно говорит, мы приехали сюда не только отдыхать. Помогать колхозу надо так, чтобы самим чему-нибудь научиться. Наше звено хочет прикрепиться к тракторной бригаде. Мы поможем трактористам и научимся ухаживать за трактором и управлять им. А полоть сорняки — работа, на которой ничему не научишься.

Поднялся шум. Коля Трофимов доказывал, что суслики вреднее сорняков и что охотиться на них очень интересно. Кроме того у него есть изумительные удочки!

Звено Миши Алексеева хотело помочь на кузнице и познакомиться там с сельскохозяйственными машинами.

Звено Нины Ковалевой хотело собирать гербарий для школьного биологического кабинета.

Сима Вайтон говорила, что надоходить на колхозные детские площадки проводить игры.

Много говорили ребята. Потом поднялся вожатый:

— Все, о чем вы говорили, ребята, прекрасно. Но тем не менее у колхоза есть пятьсот га засоренных посевов. Вы знаете, что сорняки понижают урожай. Наш долг, наша пионерская обязанность — помочь.

Митя говорил очень убедительно, и поэтому, когда он предложил взять на себя обязательство прополоть 60 га и стал голосовать, ребята согласились.

Гриша организует бегство

Вот уже два дня, как пионеры полотят сорняки. Уходят из лагеря утром, обедают в поле и возвращаются домой к вечеру.

В лагере висит доска соцсоревнования. Коля Трофимов часто глядит на нее: его — четвертое звено — едет на автомобиле. Впереди, на аэроплане, — второе звено. Хорошо бы сесть на аэроплан! Только вот Гриша Ситников что-то плохо работает. Надо с ним поговорить.

Коля нашел Гришу вечером на берегу реки. Он стоял, смотрел на воду и думал.

— О чём ты все думаешь?

Рассказ О. ШВАРЦА

Рис. Д. Красильникова

Гриша испытывающе посмотрел на Коли и спросил:

— А ты никому не скажешь?

— Честное пионерское!

— Тогда слушай. Помнишь, мы на лодках катались и видели на воде цветные пятна. Из оврага течет нефть!

— Нефть? А ты не врешь?

— Честное пионерское! Конечно нефть не ручьем течет, а просачивается. Так бы ее не было видно, а на воде видно — блестит.

Глаза у Коли загорелись, и он предложил:

— Пойдем туда! Мы ее откопаем.

— Когда? Сейчас — сорняки, потом — уборка, сенокос. Значит, никогда будет. Так пройдет весь лагерь. А в это время кто-нибудь другой откроет нефть. Или еще хуже — придется уезжать в город, а нефть останется совсем неоткрытой...

— Пойдем туда ночью, тайком, — предложил Коля.

— Ночью мы ничего не увидим, темно.

— Что же делать?

— А если... убежать? Захватить хлеба и убежать?

Коля задумался.

— Нет. Нельзя. Во-первых, звено может на черепаху сесть. А потом, самое главное, все скажут, что вот пионеры сбежали.

— Но подумай, — там же нефть! Это очень важно!

— Гриша, а что если сказать обо всем вожатому? Он же понимает, что нефть нам нужна, ну и... отпустит. А?

— А вдруг не отпустит?

— Но не бежать же нам в самом деле... Друзья пошли к вожатому.

— Какая еще нефть? — удивился Митя. Гриша рассказал о своем открытии.

— Нечего Америки открывать, — отрезал Митя, — надо выполнять взятую на себя работу. А кто будет отлынивать и подрывать дисциплину, того вышлю из лагеря. Понятно?

Ребята ни с чем попались от вожатого.

— Сказали... — произнес Гриша, — убежать надо, вот что!

— Это не дело. За это из пионеров исключат.

— Никто тебя не тянет, сиди пожалуйста в лагере! Только я не знал, что ты такой трус! Жаль, что я тебе все рассказал.

— Кто, я трус?

— Ты!

— Ладно! Давай подождем два дня, если ничего не придумаем, — убежим.

Вечером к вожатому пришел завхоз.

— Тут, Митя, пришла квитанция: прислали нам сахар, селедки... Завтра на станцию ехать надо. Отпусти со мной троих ребят пошустрой.

Наутро из села Кольцевого выехала телега с завхозом и ребятами. К полудню прибыли на станцию. Пока завхоз отыскивал кладовщика, Коля Трофимов юркнул на телеграф. Пробыл он там недолго, и когда начали переносить груз со склада на телегу, — появился.

Телега покатила обратно.

Вечером Гриша Ситникова получил телеграмму:

«Мама больна зпт приезжай».

Расстроенный Гриша разыскал Колю и показал ему телеграмму.

— Ну что ж, идем к вожатому, — сказал Коля.

— Надо ехать, — сказал Митя. — Только одного я тебя же пущу, еще случится что. Мне ехать сейчас нельзя. Завхозу тоже. Уж и не знаю, как быть...

— Митя, можно я его провожу? — спросил Коля.

Вожатый критически посмотрел на Колю, он колебался. Но выхода не было, — не ехать же ему самому, бросив лагерь.

— Ладно, езжайте! Только осторожнее, не упадите с поезда и билетов не потеряйте. Поезд когда?

— В час ночи, почтовый.

Вожатый дал ребятам денег на билеты, они собрали в заплечные мешки кое-какие вещи и отправились в путь.

В лагере тревога

Лагерь готовится к приезду родителей. Около мачты сколачивают трибуну, выпускают торжественный номер стенгазеты, пишут лозунги. К костру готовят новые песни, пляски и небольшую инсценировку. Наконец долгожданный день наступил — родители приехали.

Анна Ивановна Ситникова и Петр Иванович Трофимов, узнав от ребят, что Гриша и Коля уехали в город, удивились и пошли к вожатому. Тот рассказал о телеграмме, полученной Гришей.

— Какая телеграмма?! — воскликнула Ситникова. — Я не болела и никакой телеграммы не посыпала.

Все переполошились. Лагерь притих.

Ребята сидели кучками и переговаривались о случившемся.

Родители собрались в комнате завхоза и обсуждали создавшееся положение. Все терялись в догадках, но понимали, что надо что-то предпринять. Но что именно, — никто не знал.

— Я вот чего думаю, — сказал вдруг завхоз, — оно конечно хоть ребята пошли на станцию и вечером, но вышли они задолго до поезда, опять же малые они, неразумные и скорей всего надумали искупаться... Ну и... утопли...

— Что ты, дядя Ваня, — хриплым голосом сказал вожатый, — Гриша плавает очень хорошо, да и Коля неплохо...

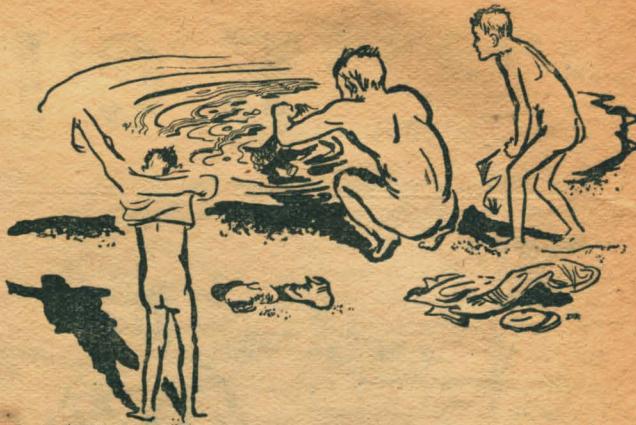
— Да так-то оно так, а только мало ли чего бывает. Может у одного ногу свело, другой полез его вытаскивать, ну и... утопли оба... Известное дело, бывает... Вот я и говорю: надо пойти вверх и вниз по реке, поспрошать у людей, обратно же может одеженка ихняя где на берегу лежит...

Через десять минут ребята и родители, разделившись на две группы, отправились на поиски.

Встреча с трактористом

— Колька, прячься! — шепотом проиннес Гриша и дернул Колю за рукав.

Друзья присели в кустах. По дну оврага к реке шел человек в промасленной спецодежде тракториста. Ребята следили за ним. Вот он поровнялся с ними. Вот прошел... Вдруг со стороны реки послышался легкий треск. Ребята повернули

По воде плавали нефтяные пятна

головы и увидели, что разматывается поставленная ими жерлица.

Коля вскочил и хотел было бежать, но Гриша усадил его обратно.

— Увидит!

— Все равно жерлицу увидит, догадается.

Ребята вышли из своей засады и бросились к жерлице. И пора было! Леска размоталась, натянулась, как струна, и ходила в разные стороны. Коля стал выводить рыбу. Тракторист удивился внезапному появлению ребят.

— Рыбку ловите? — спросил он.

— Ага, — буркнул Коля.

— Вы чьи будете? — спросил тракторист.

— Мы из лагеря, пионеры, — ответил Гриша. — А ты тракторист?

— Да. Вот отработал смену, купаться пришел.

— Гриша, давай и мы искупаемся, — предложил Коля.

Через минуту все трое были в воде. Накупавшись, вылезли. Тракторист стал полоскать свой комбинезон. По воде пошли разноцветные маслянистые пятна.

Ребята одевались. Вдруг Коля уставился на воду и засмеялся.

— Ты чего? — удивился Гриша.

— Гляди, вот она, нефть! Из спецодежды вытекает!

А Гриша стоял на берегу и смотрел, как медленно расплывались блестящие нефтяные пятна. Когда последнее пятнышко исчезло, Гриша повернулся, медленно отошел от берега и сел рядом с Колей на песок.

Коля собрал рыбу в котелок и сказал:

— Пойди, подыщи подходящий камень, а я помою рыбу.

Гриша отправился к обрыву оврага, выбрал там небольшой плоский камень, принес и сунул его в самую середину костра. От реки пришел Коля, поставил котелок на камень и снова развел огонь.

Рыба скоро сварилась. Обломком палки Коля подцепил котелок и вытащил его из костра.

Друзья принялись за еду. Ели молча с аппетитом, который появляется после утреннего купания. Казалось, Гриша забыл уже о крахе своего предприятия, как вдруг он оставил ложку и уставился на костер.

— Гриша! — окликнул его Коля. — Ешь, а то простынет!

Гриша отмахнулся:

— Погоди!

— Чего погоди, ешь, а то я всю рыбку один поем.

— Колька! Горит, костер горит!

Коля тревожно поглядел на друга.

— Гляди на костер!

По дну оврага шел человек

Коля посмотрел на костер. С костром происходило что-то странное: все веточки и палочки давно прогорели и образовали небольшую груду красных углей и пепла, но тем не менее из самой сердки выбивалось высокое пламя. Получалось впечатление, будто горит камень, на котором стоял котелок. Коля вскочил, схватил палку и отгреб от камня все угли. Глазам друзей предстало совершенно невиданное зрелище: камень горел ровным сильным пламенем. Ребята вскочили, переглянулись и, словно говорившиеся, побежали к обрыву. Толстый пласт камня тянулся вдоль обрыва. Под ногами валялись обломки. Ребята набрали полные руки камней, принесли их к костру и положили в огонь. Через несколько минут разгорелось сильное пламя.

Друзья плясали вокруг костра и от радости выкрикивали что-то несуразное. Потом Коля принял торжественную позу и сказал:

— О, величайший наблюдатель, открыватель и исследователь! Я не знаю, что это за камень, но я знаю, что также хорошо он будет гореть и в лагере в костре и в топках завода! Наберем его в заплечные мешки и айда в лагерь!

— Нет, так не годится,— возразил Гриша,— мы не знаем, сколько его здесь. Так настоящие исследователи не делают. Возьмем бумаги, карандаш и пройдемся по оврагу: составим план и отметим места, где залегает камень.

Вооружившись бумагой и карандашом, ребята отправились на разведку.

Поиски

Группа пионеров и родителей, отправившаяся вниз по реке, прошла берегом километра три. Никаких признаков пропавших ребят не нашли. Решив, что итти дальше нет смысла, повернули обратно.

Около села их догнала телега. Дорога шла в гору. Ехавший на телеге соскочил и пошел рядом.

— Полоть что ли ходили? — спросил он.

— Нет, — ответили ребята, — у нас двое пропали, ходили искать...

— Как пропали?

— Ушли и нет. Четыре дня уже прошло...

— А я нынче у оврага купался, двоих ребят видел. Рыбу ловили. Уж не те ли?

— У какого оврага? Где?

Остановились. Тракторист рассказал об утренней встрече с ребятами.

Вожатый хлопнул себя по лбу.

— Они! И как я раньше не догадался!?

Как зачарованные смотрели все на костер

Он расспросил у тракториста дорогу, взял двух старших парней и повернулся обратно. Остальные пошли в лагерь.

А вы как думаете, ребята?

Костер открыл председатель совета лагеря Миша Алексеев:

— Ребята! То-есть товарищи родители и ребята! Сейчас мы будем обсуждать поведение Гриши Ситникова и Коли Трофимова. Они обманули вожатого, сбежали из лагеря и вообще набутили. Так пионеры не делают. Кто будет говорить?

— Я думаю, — сказал Петр Иванович, — что прежде всего надо, чтобы Гриша и Коля рассказали, что их побудило совершить такой поступок.

Оба друга сидели на заплечных мешках, которые они зачем-то принесли к костру.

Гриша поднялся, посмотрел на собравшихся и начал:

— Я думал, что в овраге есть нефть!..

— Глупости, просто стало лень работать, — вскипал вожатый.

У костра поднялся шум. Гриша стоял и ждал, пока шум прекратится. Но шум не прекращался. Тогда вскочил Коля и крикнул:

— Тише!.. И вот, — продолжал Коля в наступившей тишине, — мы решили убежать, чтобы найти нефть. Когда мы ездили с завхозом на станцию за продуктами, я забежал на телеграф и послал Гришу телеграмму о том, что больна его мама. Митя отпустил Гришу домой, а меня — провожать его. Мы отправились в овраг, три дня искали нефть, но ее не было. Не было и блесток на реке у оврага. Потом пришел тракторист, стал мыть свою спецодежду, и мы увидели, откуда взялись блестки на воде.

Коля умолк и зачем-то наступил.

— Все? — спросил Миша Алексеев.

— Нет не все, — ответил Коля и, обращаясь к Грише, сказал:

— Давай!

Друзья развязали заплечные мешки и стали вынимать оттуда камни. Все сидящие у костра с любопытством наблюдали за Гришой и Колей.

А они стали кидать камни в огонь. Ребята, сидевшие вблизи костра, опасливо отодвинулись. Камни загорелись! Как зачарованные смотрели все на необыкновенный костер.

Петр Иванович подошел к сыну, взял у него кусок камня и стал его рассматривать.

— Товарищи! — сказал он, — это очень хорошее топливо, это горючий сланец. Завтра я, с разрешения вожатого, пойду с Гришой и Колей в овраг и определию, хотя бы примерно, сколько там сланца.

— А мы карту оврага составили, — вмешался Гриша, вот кружочками отмечены места, где есть камень.

— Ну, товарищи, кто еще хочет говорить? — спросил Миша Алексеев.

— То, что ребята нашли горючий сланец, хорошо! Сказал вожатый. — Но подумайте, ребята, что будет, если все вы начнете убегать из лагеря и делать все, что вздумается? Лагерь развалится! Гриша и Коля самым грубым образом нарушили дисциплину. По-моему их надо выслать из лагеря.

Слово попросила Сима Вайтон.

— По-моему высылать из лагеря нельзя, а то ребята оторвутся от пионеротряда и испортятся. Но и прощать нельзя. Я предлагаю исключить их из пионеров и оставить в лагере. Исправятся, — примем в отряд обратно.

— Неправильно! — вдруг вскрикнул Паша Пахомов. — Во что превратился наш лагерь? Что мы делаем? Все наши дела — работа в поле! Вчера сорняки пололи и завтра будем полоть! И так до конца лагеря. Не надо их наказывать, надо перестроить работу. Надо, чтобы было интересно работать. Тогда никто бузить не будет. И результаты будут хорошие.

Коля выдернул жерлицу

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЧИНГИС-ХАНА

I

Здравствуй, мама!

Мать чуть не выронила тарелку от неожиданности.

— Костя? Ты? Здравствуй, здравствуй, сынок!

Костя сел за стол. В окно прыгнул солнечный заяц и преспокойно заскочил в костин чайный стакан. От этого чай, казалось, стал еще горячее, и Костя пил, дул и обжигался. Надо было торопиться в школу.

— Мама, можно взять еще молока или надо отцу оставить?..

«Нет, наверное наш Чингис болен» — тревожно подумала мать, а вслух сказала:

— Ты, Костюшка, как? Ничего?

Она хотела спросить, здоров ли он, и ожидала от забияки и ругателя-сына обычного ответа вроде «чего пристала» или «отстань, не вяжись» или «отцепись, не липни».

За грубость, за жестокое обращение с младшими Костю дома звали «Чингис-ханом».

И вдруг случилась неожиданность. Чингис-хан засмеялся, поглядел на мать.

— Ты не беспокойся. Все в порядке. Он собрал книги, все время чувствуя за спиной пристальный взгляд матери.

Костя почувствовал себя неловко, как беспризорник, который надел после привычных лохмотьев праздничное платье. Язык, привыкший чертыхаться и говорить бранные слова, неловко поворачивался и увязал во рту. Костины руки, привыкшие хватать все без спроса, висели, как чужие. Руки эти потянулись было по привычке дернуть за волосы сестренку Лельку, но он одернул себя.

— Коська, а Кось, дай мне твои цветные карандаши, — клянчила Лелька.

«Ни фига я тебе не дам. Катись!» — собрался было ответить Константин, но только сказал: «Ни фи...» дернул головой и закончил:

— Возьми. Только не обломай.

Лелька тоже удивилась. Она вытаращила на брата голубые глаза, хитро усмехнулась.

— Понимаю. Верно где-нибудь здо-

Рассказ Н. КАЛЬМА

Рис. А. Малеинова

рово набаловал... Ишь какой добрый стал..

В окно вдруг стукнули. Константин открыл форточку. Внизу, во дворе стояли его «закадычные»: Колька Ступка — первый хулиган и драчун района, и Валька Чуркин — придурковатый паренек, только что исключенный из школы.

— Коська, а мы за тобой. Идем шляться, — закричал Ступка, — я денег стрельнул, на киношку хватит...

Костя покачал головой.

— Нет, ребята, не пойду. Некогда мне сегодня. И завтра будет некогда. И послезавтра. Вообще вы больше за меня не приходите.

Чуркин и Ступка переглянулись.

II

Пять дней назад в костиной школе происходил товарищеский суд. Судили пионера Петю Новикова за грубое и жестокое обращение с матерью. Мать Новикова пришла в школу вся в слезах и рассказала вожатому, что сын чуть не избил ее за то, что она дала ему к обеду кашу, которую он не любит.

Выяснилось, что Петя Новиков бьет сестер, дерется с матерью, плюет в суп соседке, словом, что он — домашнее зло. На суде выступали многие школьники. Выступил и Костя. Он строго осуждал Петя Новикова, он говорил, что такое обращение с матерью недопустимо, что за это нужно исключить из пионерорганизации.

Но вдруг... Вдруг чей-то голос громко сказал:

— Новикова обвиняют, а сам Коська тоже хороший. Его дома Чингис-ханом зовут. Мать все глаза выплакала...

Костя поперхнулся, замигал глазами, покраснел. Говорил пионер, живший в соседней квартире и знавший все, что делалось в костиной семье.

«Ябедничать? — подумал Костя. — Ну погоди, вот выйдем из школы, я тебе покажу!..»

Он сжал кулаки и покраснел еще больше.

Класс молчал и смотрел на Костя. Костя молчал.

Возразить ему было нечего. Костя поднял глаза, увидел кругом серьезные лица ребят и зашагал к двери.

III

Чем кончился суд над Новиковым, Костя не знал. Да он и не особенно этим интересовался.

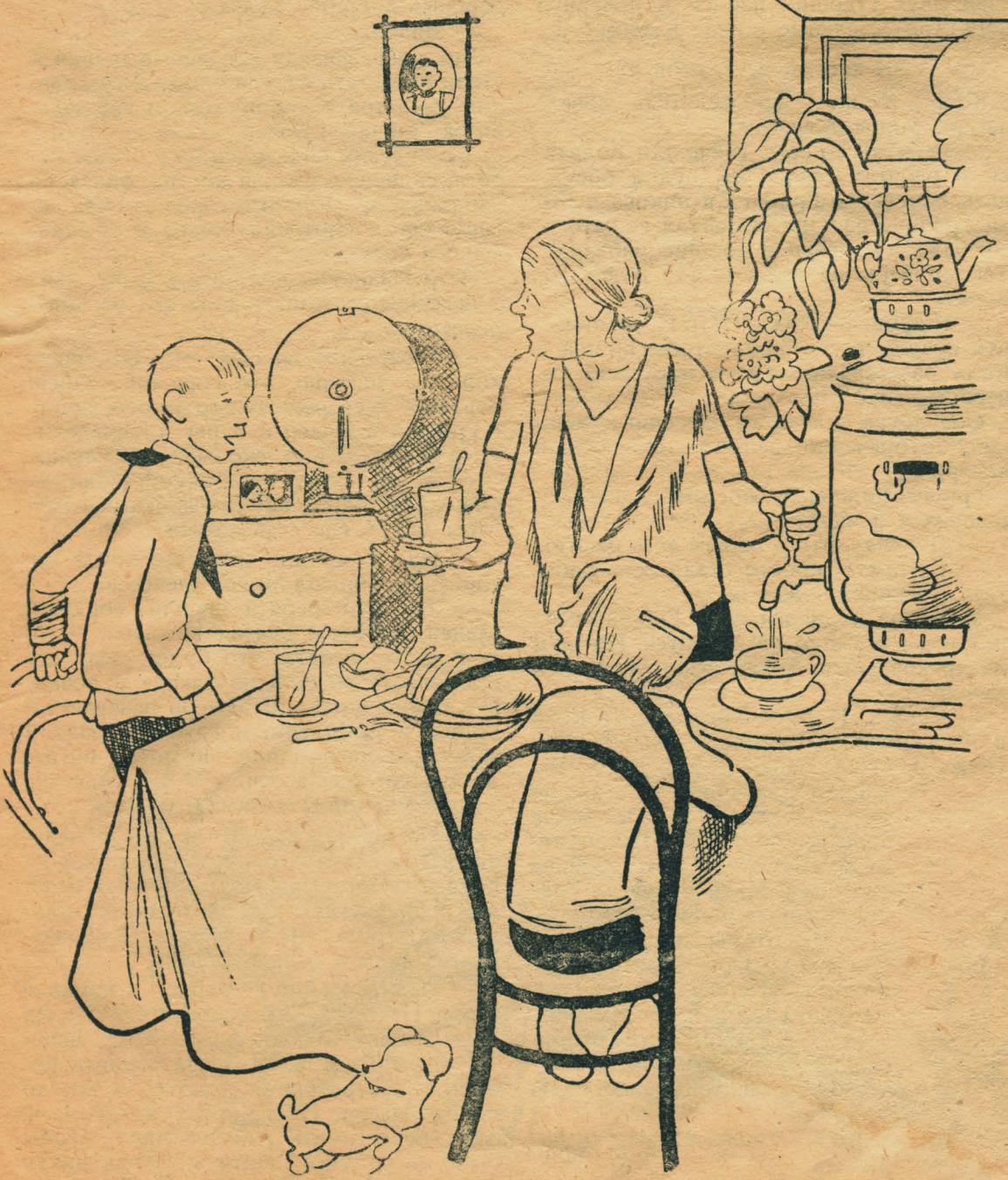
Он быстро шел по бульвару, размахивая руками и бормоча себе под нос ругательства. Попадись ему сейчас Ветров, он бросился бы на него с кулаками.

Прохожие с удивлением оглядывались на растрепанного пионера.

Светило солнце. Быстрая ходьба утромила Костя, и злоба его стала понемногу утихать.

«А ведь он правду сказал, — подумал он вдруг о Ветрове, — как я могу судить Новикова, если я сам такой же?»

И он вспомнил постоянные ссоры с матерью, драки с сестрой, вспомнил, как однажды мать сказала ему:

«Наверно Чингис болен» — подумала мать

— В отряде ты сознательный, ты хороший пионер, а дома ты хуже последнего хулигана.

«И она права,—опять подумал он.— В отряде подтягиваешься, а дома я уверен, что все сойдет с рук. Нет, нужно что-то сделать».

Яркий плакат привлек костино внимание. Смуглый белозубый парень держал в руках метлу. «Не забудь, завтра начинается месячник чистоты».

«Месячник? — мелькнуло у Кости. — А что, если я тоже начну завтра мой месячник. Как его назвать? Месячник хорошего поведения? Нет, короче — «месячник вежливости»? Да. Попробую».

Итак перед ярким плакатом родилось крепкое костино решение. Так был назначен «месячник вежливости».

IV

Вначале Чингис-хану было трудновато. Суп был пересолен, и Косте хотелось по привычке шваркнуть тарелкой, заорать на мать и уйти, хлопнув дверью. Но данное самому себе слово заставляло сдерживаться. Мать, с тревогой ожидавшая обычной сцены, не могла опомниться, когда Чингис-хан предложил:

— Давай, помогу чего-нибудь. Ведро вынести, что ли...

Лелька дрожала в углу. Она сломала два карандаша и была уверена, что Чингис ее сильно побьет. Ксся, увидев карандашные обломки, сказал:

— Сломала? Я же тебя предупреждал. Эх, ты!..

Лелька разревелась.

— Я думала, ты м- меня п-побь-е-ешь... Что ж ты м-меня не бье-ешь? Б-бей уж п-поскор-р-ей...

— Очень мне нужно тебя бить. Я вот сейчас уроки приготовлю, а потом сяду читать.

Лелька присмирела и сидела тихо, как мышь, пока брат учил уроки.

Мать тоже ходила на цыпочках.

Тсс... Чингис-хан занимается, не мешайте ему.

И вот теперь Чингис сидел за учебниками. К удивлению все шло очень гладко и весь урок выпукло ложился в голове Кости, занятия ему даже понравились.

— Никогда не думал, что так интересно учиться.

Кончив и сложив книги, он заметил Лельку, одиноко сидевшую у окна.

— Ты чего куксишься?

— Ску-учно, — протянула Лелька и жалобно заморгала глазами. — Костенька, может поиграм?

Раньше Чингис-хан грубо гнал сестру, дразнил ее, доводил до слез. Теперь Костя очень захотелось подразнить сестренку, но он вспомнил о «месячнике» и сказал:

— Ладно. Тащи сюда твоё хозяйство. Я тебе придумаю игру.

Весь вечер слышался веселый смех. Костя собрал всех ребят в квартире, устроил физкультурный парад, заставил всех делать гимнастику и маршировать под музыку оркестра, играющего на гребешках.

Матери радовались и благодарили костино мать, а та только разводила руками.

— На моего Чингис-хана добрый стих нашел.

Но добрый стих казался ей не совсем прочным, и она была уверена, что на-

Прохожие оглядывались на расстрелянного пионера

завтра снова проснется сын-ругатель и драчун. Но завтра Костя опять был вежливый и услужливый: затопил печку, опять играл с Лелькой и учил уроки и даже написал соседке, которой всегда грубил, заявление в домоуправление.

V

К хорошему привыкают быстро. Дней через десять в костино семье совершенно забыли о Чингис-хане и привыкли к тому, что Костя уравновешенный, спокойный, прилежный мальчик, что он никогда не повышает голоса и не ругается.

Только один Костя помнил, что его зовут Чингис-ханом. Вначале поведение свое он считал времененным, пробным. «Вот кончится мой месячник, я вот покажу» — думал он, когда Лелька портила его вещи. Или: «Вот сейчас все мной помыкают, а через месяц я ими помыкат буду».

Но проходил день за днем. Новые привычки пришли на смену старым. Костя втянулся в учебу, привык получать «весьма», привык, что мать хвалит его, что Лелька с веселым визгом кидается ему на шею, когда он приходит из школы. Теперь ему показалось бы диким закричать на мать, избить сестренку. Месячник подходил к концу, но Костя даже забыл о нем. И вспомнил только, когда пришел Ветров, с которым он не говорил со дня суда над Новиковым.

— Где ваш разбойный Чингис-хан? — спросил Ветров у костино матери, отворившей дверь.

— Чингис-хан здесь больше не проживает. Костенька, поди сюда, может ты знаешь, надолго ли он уехал?

— Он совсем уехал, мама, и никогда сюда не вернется, — сказал Костя и крепко тряхнул руку Ветрова.

ЧЕТЫРЕ ШАГА В НЕБО

Встреча „Графа Цеппелина“

Четыре удостоверения сохраню я навсегда.

Первое—оно было выдано мне осенью 1930 г.—гласит: «Пред'явитель сего т. Кассиль Л. Л. командируется специальным корреспондентом «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» для встречи германского дирижабля «Граф Цеппелин»... и т. д.

С этим удостоверением я больше завидовал, чем летел. Но встреча под облаками с гигантским воздушным кораблем на всю жизнь врезалась в память. Мы летели на большой двухмоторной военной машине. Она казалась нам огромной, пока мы не увидели германского дирижабля. Издали он напоминал облачко. Облачко, несомое сильным ветром. Мы пошли на снижение. Облачко вытянулось, стало веретенообразным, плотным. Уже не облачко, а облако, пожалуй целая туча...

И вот мы встретились в воздухе. Ой, каким маленьким показался нам наш самолет по сравнению с серебристой громадой цеппелина. Мы порхали, мы вились, мы жужжали вокруг дирижабля, как овод над битюгом! Самолет наш подскакивал, качался на воздушных волнах и оседал в невидимые провалы. А цеппелин плыл величественно и покойно. Он лежал над Москвой, носом в Сокольниках, кормой в Красной Пресне... Так нам казалось сверху.

Потом мы летели рядом. Пассажиры дирижабля махали нам шляпами из окон кают-гondолы. Мы шли рядом, две летательные машины — одна советская, другая германская,—представительницы двух основных и противоположных способов людского летания. Наш кораблик был аппаратом системы «тяжелее воздуха». Вы знаете, как летит аэроплан. Его поддерживает воздух, который сопротивляется бешеному движению машины. Воздух упирается в опорные плоскости, в крылья и несет машину в небо.

Дирижабль, как и воздушный шар, простат, плывет потому, что он легче

воздуха, плывет, как пробка по воде. Газ, водород или гелий, много легче воздуха. Он наполняет собой громадное туловище дирижабля. Получается большая разница в весе дирижабля и воздуха, который вытеснен им. И дирижабль всплывает вверх.

Самолету движение необходимо, чтобы держаться в воздухе. А дирижаблю оно нужно лишь для перемещения в разные стороны. Дирижабль может «стоять» в воздухе.

Долгое время наши воздухоплаватели почти не признавали системы «легче воздуха». Они отрицали всякое будущее за дирижаблем. «Ни к чему нам эти летающие сосиски». «Бросьте колбаситься»,— говорили летатели энтузиастам воздухоплавания. Но грандиозные перелеты германских цеппелинов заставили призадуматься самых тяжелых противников системы «легче воздуха». Выпущенный в 1928 г. Фридрихсгафенской верфью дирижабль 127-«Граф Цеппелин» совершил еще до прилета к нам более 60 дальних полетов, пройдя в общей сумме около 200.000 км. Он совершил блестательный кругосветный перелет. Перед этим и во время перелета он три раза пересек небо Атлантики и один раз пересек Тихий океан. Он успевал побывать почти во всех уголках земного шара. Через год после визита к нам он совершил вместе с советскими учеными героический полет в Арктику. Прилет цеппелина в Москву сразу двинул дело советского воздухоплавания. «Граф Цеппелин» гостил в Москве 4 часа: за это время я успел хорошо осмотреть его внутри и снаружи. «Граф Цеппелин» поразил меня прежде всего своим размером. В длину его туловище занимает почти четверть километра—236 м. В вышину, т. е. в попечнике, он будет с шестиэтажный дом! Но он не громоздок. Пять моторов гонят его со скоростью 120 км. в час.

Во вместительной передней гондоле расположена двустенная рубка управления, два ряда шикарных кают для пассажиров, изящный салон-столовая, две

Очерк ЛЬВА КАССИЛЯ.
Фото Союзфото

радиостанции, кухня, ванная, уборная и т. д. Телефон связывает между собой все концы дирижабля. Электричество сияет во всех коридорах и переходах. Но я заметил, что мотористы и вся команда помещаются в тесном, темном и неудобном углу, и еще я увидел, что на стенах кают висели кресты-распятия... Я переглянулся с товарищами. «Капитализм одинаков и на земле и на небе» — пробормотал один из моих спутников. «Нам бы эдакий,—сказал другой,—мы бы уж, будьте уверены, перекроили бы на советский лад... Эх, хороша штучка, все-таки...»

И с завистью смотрели мы через час, как четверть километра алюминия, материи, газа и чужого благоустройства всплыли в небо.

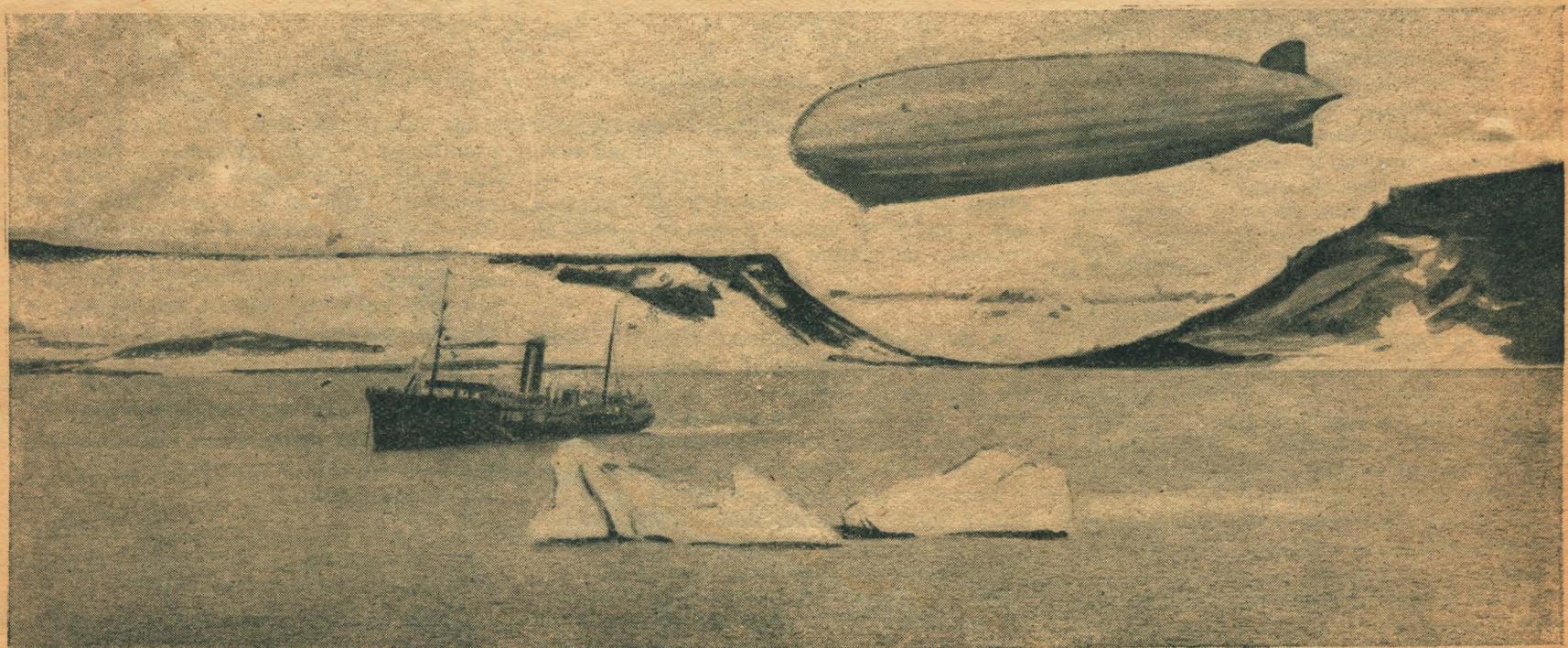
На советском дирижабле

Со вторым удостоверением я уже не завидовал. Я мог сам летать на советском дирижабле. На удостоверении было написано, что я отправляюсь спецкором «Известий» в большой перелет советского дирижабля «СССР В-3» из Москвы в г. Горький. Это удостоверение выдано было не только мне. Оно было выдано нашему молодому дирижаблестроению, которое выпустило воздушный корабль, годный уже для далеких полетов.

Дирижабль «В-3», на котором мы совершили перелет в Горький, пока больше всех построенных в СССР воздушных кораблей. В его оболочке вмещается 6.800 куб. м. водорода. На выступах кронштейна дюралюминиевой гондолы установлены два мотора. В каждом—300 лошадиных сил.

Было еще совсем, совсем темно, было пять утра, когда нас взбудоражил горн.

Наполненный свежим газом, тугой, как мяч, дирижабль вывели из элинга «под уздцы» — на канатах. Началось «взвешивание».

У Шпицбергена советский ледокол „Малыгин“ встретил дирижабль „Граф Цеппелин“

— На поясных, дай свободу! — скомандовал Мейснер.

Люди ослабили канаты, но дирижабль не двинулся. Значит, его слишком перегрузили. Сняли все лишнее и одну бочку бензина. Облегченный дирижабль сразу натянул канаты, стремясь уйти вверх.

— От винтов! — закричали механики. Громовое биение заложило уши. Дверь гондолы заперли.

— По местам! — приказал командир. — Сейчас идем в воздух.

— Дай свободу! — крикнул он.

Пол гондолы внезапно стал давить на подошвы. Мы пошли в воздух. Земля за окнами отступала вниз.

В гондоле дирижабля «В-3» просторно и удобно. Здесь имеется пассажирская каюта, вся прозрачная кабина пилотов-навигаторов (штурманов), отделение для мотористов, каюта радиста, уборная. Конечно на «Графе Цеппелине» все это широкое, но ведь он имеет номер 127, а наш дирижабль всего лишь — 3. Вот когда мы выпустим дирижабль хотя бы «В-100», мы посмотрим, кто лучше, он или цеппелин!

Перелет наш на «В-3» происходил в невероятно тяжелых условиях. Мы шли все время в сплошном и густом тумане. Земля совершенно исчезла из виду. Единственной связью с родной и потерянной планетой оставалось радио. В таком тумане аэроплан совсем не мог бы лететь. И наш дирижабль доказал все преимущества системы «легче воздуха» в подобных условиях.

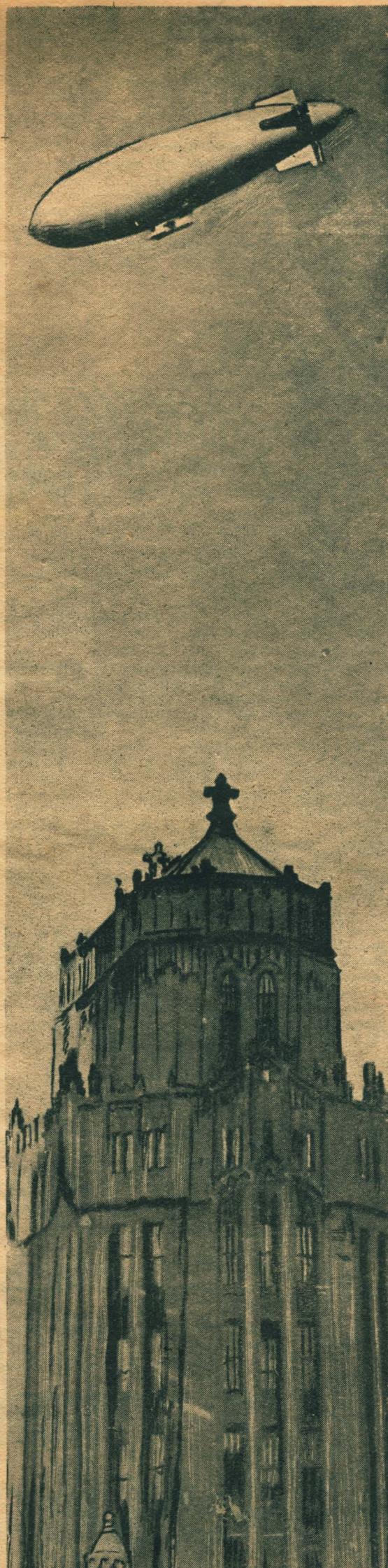
Правда, в тумане нас едва не постигло несчастье. Неожиданно перед самым носом корабля показались провода высокого напряжения. Они тянулись через Оку с берега на берег как раз на высоте нашего полета. Ток в 112 тыс. вольт и верную гибель всем нам несли они. Туман скрывал их до последнего мгновенья. Мы мчались прямо на провода. Одно прикосновение к ним вызвало бы тотчас пожар, взрыв, смерть... Лишь благодаря находчивости и искусству молодых пилотов Померанцева и Лангузова, стоявших у руля высоты и штурвала, удалось избежать катастрофы. Крутой поворот, смелый рывок вверх и, — дирижабль, метнувшись, обошел смертоносные провода.

После восьми часов полета и блужданий в тумане мы благополучно спустились на аэродроме г. Горького. Наш дирижабль, несмотря на ветер, туман, непогоду, отлично, на «в. у.» сдал экзамен, на котором проваливаются самые крупные дирижабли мира.

Дирижабль Циолковского

С третьим удостоверением я пока еще не летал. Но надпись — полететь не ближе, как на луну... С третьим удостоверением я ездил к знаменитому изобретателю звездолета и дирижабля, я ездил к Циолковскому.

Циолковский изобрел цельнометаллический дирижабль, весь из волнистой стали. Такой дирижабль гораздо удобнее, прочнее, легче простых жестких дирижаблей. Дирижаблю Циолковского не нужен внутренний скелет, который так много весит. Затем тонкая волнистая стальная пленка крепче всякой материи. При помощи троек такую оболочку можно налету стягивать, уменьшать, менять форму. Путем подогревания можно расширять газ, увеличивать об'ем дири-

Буржуазия гонится за рекордной величиной дирижаблей

жабля. Поэтому дирижаблю Циолковского не надо таскать с собой баласт или выпускать газ при спуске. Советские молодые инженеры — воздухоплаватели уже принялись за постройку первого в мире цельнометаллического дирижабля.

Но недавно наших дирижаблестроителей едва не охватило уныние... В один и тот же день за границей погибло три дирижабля. Один во Франции, два в Америке. В Америке погиб величайший из дирижаблей мира, — гигант, исполнин «Акрон». Этот военный воздушный дредноут был в два раза огромнее «Цеппелина». На нем умещалась целая артиллерийская батарея. На «Акроне» имелся свой ангара. В нем укрывалось пять самолетов. Они могли на ходу вылетать из туловища «Акрона» и снова возвращаться в свое летающее убежище. Таким образом в случае нападения «Акрон» мог родить в небе целую стайку аэропланов, которые бы его защищали...

И вот такой дирижаблище погиб, упав в океан и погубив около 70 жизней...

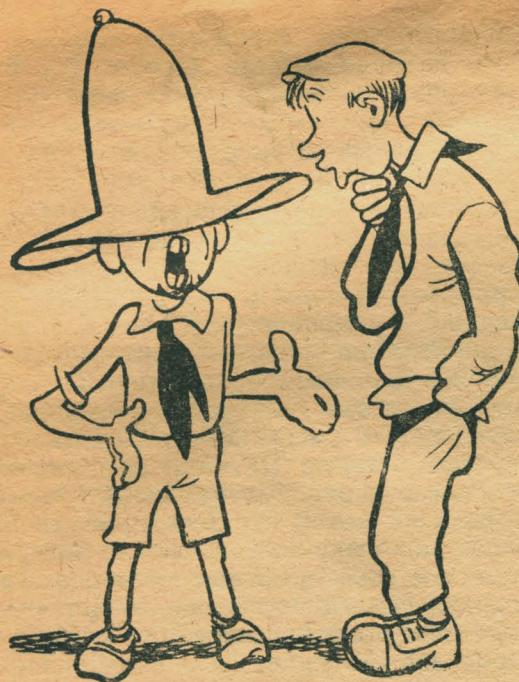
В чем же дело? Отчего погиб воздушный гигант «Акрон»? Это еще не вполне выяснено. Но известно, что «Акрон» попал в бурю, в ураган, в шторм. Говорят, что на «Акроне» знали о приближающемся урагане и хотели обойти его сторонкой. Но тут будто бы испортился компас и дирижабль по ошибке влез в самую гущу ветра, смерчей и молний. Ураганом его прижало к морю и сильно ударило о бушующие волны. Дирижабль был переломлен пополам этим чудовищным ударом, почему вся команда и пассажиры утонули... Так погиб «Акрон». Но советских воздухоплавателей это не смущает. Катастрофы бывают и на земле. Однако ничего, ходим помаленьку... Не боимся споткнуться. Так и в дирижаблестроении. Неудачи не могут нас испугать. Вон цеппелин — он ходит во все концы света и не боится катастроф. А уроки гибели «Акрона» наши дирижаблисты учат и запомнят. Советские воздушные корабли, постепенно вырастая, выращивая молодых воздухоплавателей, тщательно изучив ошибки и достижения заграничных дирижаблей, сумеют избежать нелепых катастроф.

Нам нужны дирижабли

Четвертый документ, который я сохраню на память, — это служебный пропуск на Красную площадь на первомайский парад Красной армии.

Шла морно пехота, гарцевали эскадроны, скакала, грохоча, артиллерия, ползли танки. Потом над площадью прошли эскадрильи самолетов... Десятки... Сотни самолетов. И за ними проплыли три советских дирижабля. Среди них был новичок «СССР В-5», первый советский дирижабль полужесткого типа!

Нам очень нужны дирижабли. СССР велик, расстояния в нем огромны. Дирижабли с их большой грузоподъемностью и вместительностью свяжут все концы СССР удобным, быстрым, всепрощающим воздушным транспортом. И я уверен, что очень скоро к четырем моим удостоверениям я приложу пятое: настоящим сообщается, что в перелет гиганта-дирижабля «Клим Ворошилов» по маршруту Одесса — Москва — Чукотка командируется т. Л. Кассиль.

КОМСОМОЛЬЦЫ В ПОЛЕ

Деткор А. ЛЕБЕДЕВ

В ширь степную песни рвутся,
Гаснут далеко...
Стройным хором звуки льются
Высоко!
Комсомольцы на просторе
Встретили весну.
Тракторы в веселом споре
Пашут целину.
Словно мягкая перина,
Чернозем.
Комсомолка Катерина
За рулем.
«Нужно нам с тобой, «Коняга»,
Поднажать...
Поскорей же, работяга,
Запахать!»
Вешний ветер шаловливый
Кудри рвет,
«Катерпиллер» торопливый
Держит ход.
Отжила теперь соха—
Первобытка.
Режут землю лемеха
Прытко.
Мы запашем коллективно
Каждый га,
Коллективная земля нам
Дорога.
Не дерет теперь фасон
Кулачина,—
Вместо лошади «фордзон»,
Молодчина!
Тракторы вперед змей
Расползлись,
Манят гул их за собой
Жизнь.
Трактористка Катерина
Впереди,
Чернозем лежит периной
Позади...
Мы улучшим и удвоим
Урожай.
На врага колхозным строем
Нажимай!
Молодежно бригадой
Вышли в бой,
Подготовившись как надо
К посевной!

— А вот и опять Кузя! Здравствуй!
— Прощай!
— Куда ты спешишь?
— В зоопарк.
— Зачем, Кузя? Посмотреть зверей?
— Посмотреть? Эка невидаль смотреть на зверей, которых сам поймал.
— Как то-есть сам поймал?
— Очень просто: всех зверей зоопарка поймал я—Кузяка.
— Ты поймал всех зверей зоопарка?
— Ну конечно.
— Не может быть?

ственным тигром, который остался в Индии. Во всех газетах были помещены его многочисленные портреты.

— Портреты? Тигра в газетах...
— Ну да, на то культура. Иначе бы я его и не отыскал.

— Чудно!
— Чудесно, а не чудно. Слушай дальше. Тигр я отыскал в джунглях по следующим признакам сначала увидел одну палатку.

— Палатку? Разве тигр живет в палатке?..
— Не мешай. Потом я увидел другую палатку и третью палатку. На одной—немецкий флаг, на дру-

— Не будь я Кузька, если соврал на полмизинца.
— Не верится.
— Уж это как хочешь.
— Не верится. Как ты мог поймать тигра, например?
— Тигра проще всего.
— Как же все-таки? Ямой, в западню, сетями какими-нибудь?
— Ничего подобного. Клеем.
— Клеем?
— Ну да, обыкновенным канцелярским kleem, двадцать бутылок по 35 копеек. Итого 7 рублей.
— Позволь, тигр—ведь это не конверт?
— Вот именно. Конверт надо заклеивать. А тигр сам заклеивается.
— Ну, Кузя, ты заливаешь.
— Конечно. Дело было серьезней. Самое трудное—это отыскать тигра. Поймать проще. Почитав книги и посмотрев в кино, я поехал сначала в Индию. Увы, там на одного тигра приходится сто тысяч автомобилей. Да и тигр этот теперь сидит в зоопарке. Но деньги на дорогу истратил. Двадцать бутылок в багаж туда-сюда сдавал, знаете поскольку обошлось? Ну вот. Решил я охотиться за тем едини-

гой—английский и на третьей—французский. Три самых известных фирмы окружили последнего тигра Индии и соперничали, кто его поймает. Я воткнул рядом с ними свою шляпу.

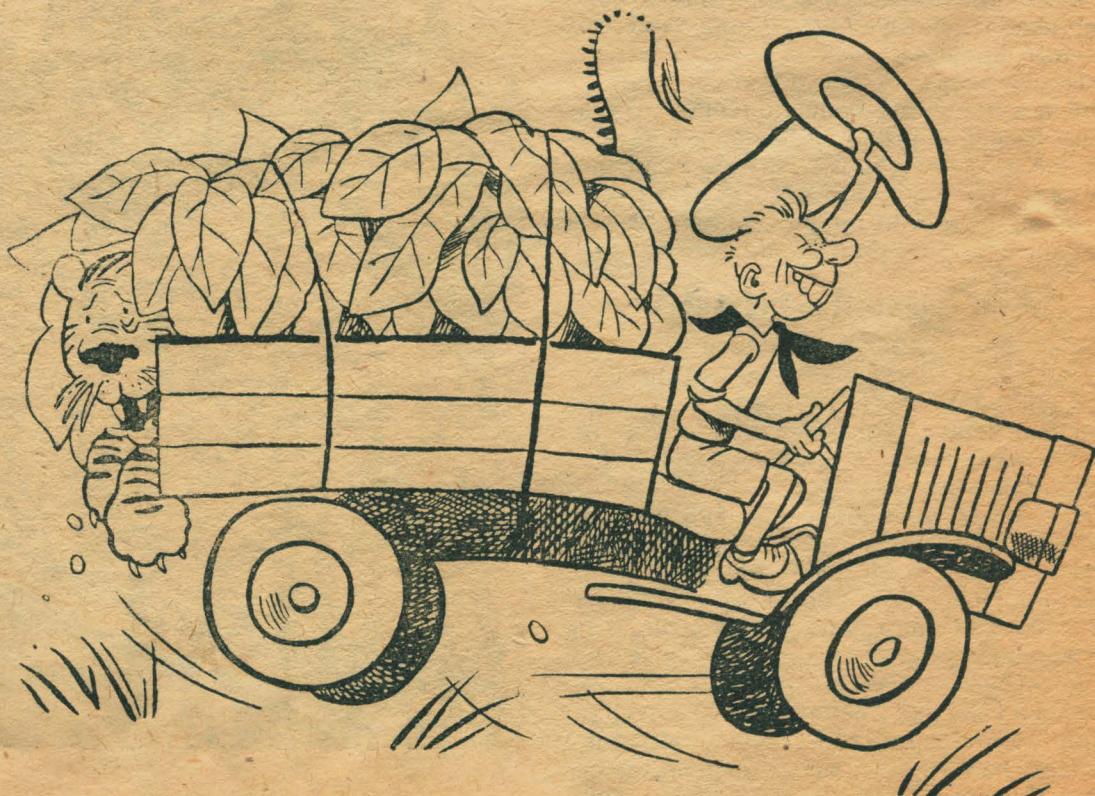
Английские охотники соорудили огромную ловушку. Десять километров загон из проволоки, широкие ворота и напустили туда козлят. И поставили электрический двигатель, — нажмешь кнопку с наблюдательного поста, и захлопнутся километровые ворота. И тигр готов.

Французские охотники выкопали яму. Прикрыли ее тонкой сеткой, поверх траву посеяли, цветочки, чтобы тигр и не догадался. А за ямой посадили свиней.

Немцы следили за тигром с воздушного шара и держали наготове железный колпак. Накрыть им тигра сверху, как муху.

Посмотрел я такую механику и думаю: двадцать бутылок по 35 копеек — 7 рублей. Дешевле пареной репы.

— Это клей, Кузя?
— Клей.
— Ну а тигр как же?
— Тигру было очень весело.

В И Т З В Е Р Е Й

Рис. А. Малеинова

Днем он подходил к английской загородке и ложился у самого входа. Так что если немцы бросят сверху железный колпак, он упадет на загородку и не падает. Вдвойне безопасно. Лежит тигр, позевывает и дожидается, когда козырят к нему сами выбегут. Англичане сидят над кнопкой, немцы сверху. тигр внизу и целый день друг друга развлекают. Потом тигру хочется пить, и он убегает.

Ночь тигр развлекался у французской ямы. Он подходил к краю. Откусывал травку или цветочек, росший на самом краю ямы, и ложился, повиливая хвостом. Смотрел на свинок и создавал себе аппетит. Он знал, что стрелять его не собираются, хотят взять

— Ты им еоли на хвост насыпал?
— Насыпал.
— Соли?
— Нет. Ниохательного табаку.
— Ха-ха, ты шутник, Кузя!
— Ничего подобного. У зайца очень нежный нос. Я это знал. Я выбрал в лесу полянку, куда зайцы выходили поджидать посевянный лесником овес. Я насыпал побольше ниохательного табаку. Зайцы как начали чихать, как начали метаться, стало им дурно. Все попадали без чувств. Я их и забрал в шляпу и привез в зоопарк. Это недалеко было—в Пушкине, в заповеднике.

живьем, ведь он единственный тигр Индии, и держался нахально. У всех трех компаний была масса тигровых фотографий, они посыпали их в газеты и журналы. Но тигра все не было.

Надвинув на глаза шляпу, я долго наблюдал эту историю. Потом я выследил тропинку, по которой тигр ходит на водопой. Замечательная тропинка. Огромные деревья свесились вокруг. Всё застлана опавшими листьями. Днем стоит темнота. Ночью при луне тигр проскальзывает по тропинке, как золотистая тень. Однажды я пришел и опрыскал из двадцати бутылок все листья на тропинке. И спокойно пошел спать.

На утро я нанял у немцев небольшой грузовичок и поехал за последним тигром Индии. На тропинке мы с рабочими увидели огромный ком листьев, спрессованный как бы для удобства. Мы взвалили его и отвезли на ближайшую станцию. Затем в вагон. В вагоне я приложил ухо и стал слушать, где у тигра морда. Затем проковырял в листьях дырку и всю дорогу кормил тигра мясом и поил молоком.

Когда привез в Москву, мы спустили тигра в бассейн с теплой водой, клей отмок, распустился, и тигр вылез из листьев, как из пеленок, зевнул, потянулся и был в зоопарке.

— Не может быть!
— Ступайте, посмотрите.
— Ну как это все произошло?

— Очень просто. Тигр наступил на клейкий лист. Лист приклеился. Тигр поднял лапу, лизнул, лист прилип к морде. Тигр прыгнул. Все четыре лапы вцепились в листья. Он стал альиться, кататься и затащил себя сам.

— Не верится.
— А ты попробуй. Вот подойдет осень, листопад, брызгай листья клеем и покатайся...
— Здорово, Кузя!
— Еще бы.
— Ну а зайцев тоже ты поймал для зоопарка?
— Тоже я.

— Кузя, неужели и бегемота ты поймал?
— Бегемот! О, вот была потеха! Это такой простак! Я его за нос провел! Это же такой обжора. Толстый. Рогатый как две автомашинки, чавкает что ни попало. Я поехал в Африку и забрался в болото, где эти толстяки водились. Захватил с собой всякой спеди. Бананов, дынь, батата. Пристроился на берегу. Поставил шляпу ребром, отстегнул маковку и открыл овощную палатку для бегемотов. Сначала они боялись, потом привыкли. Стали подходить. А из шляпы всегда торчит что-нибудь вкусное. В ботанике бегемоты не разбираются, было бы вкусно. Принимали шляпу очевидно за растение. Подойдет такое толстое детице, пыхтит, чавкает. Уцепит связку бананов. Я в отверстие сую вторую. Счавкает и эту. Разорился я на бананах. Целая индийская деревня мне бананы таскала.

Наконец мне надоело. Подошел один толстяк. Разинул пасть на бананы, а я взял и отодвинулся. Бегемотина за мной. Только коснулся толстеными своими губами бананов, я снова дальше. Он за мной. И так далее. Взял бегемота азарт. И вот я едва поспеваю улепетывать, а бегемотина трусит за мной, как теленок. Шляпа закрывает ему дорогу. Не видит, куда прет. Так завел я его прямо в клетку. Когда понял бедняга, заревел. Повалился и бананов больше не захотел. Оходите в зоопарк, посмотрите,—все ест кроме бананов. Обиделся на них на всю жизнь.

— Удивительная история.
— У меня все истории удивительные. Да вот временно вышло. Пора прощаться. До свидания.

— Ребята! Хотите, я вам по заказу что угодно наловлю. Пишите, чего поймать. Канареек, медведей, бабочек, слонов. Недорого стоит. Тигр обошелся 20 бутылок клея по 35 копеек — 7 рублей. Бабочка обойдется дешевле. Жду ваших писем. До скорого свидания.

До следующего номера. Читайте меня в «Пионере», слушайте по радио, выступаю каждый выходной день.

В САНАТОРИИ

Деткор В. РУДИМ

Завод и шахта мне родные,

Я прокопчен в их черном лыме.

Я комсомолец и горняк,

Живу я в тесной спайке с ними.

И вот из черного Донбасса,

Из лабиринтов недр земли,

Меня с ребятами из базы

На отдых к морю привезли.

Кудрявый плащ из лип накинуе

И в даль квадратными глазами

Глядя на море, лак дельфинов.

Еыл санаторий весел с нами.

Меня здесь море целовало

И просолило весь загар...

Так быстро время миновало.

Смеялось солнце-санитар.

Бывало утром в тант прибою

У моря песню запоем

О буднях наших, о героях,

О том, как все вперед идем.

И ветер звонким эхом в море

Далеко песнь мою несет,

Туда, где волны шумно спорят.

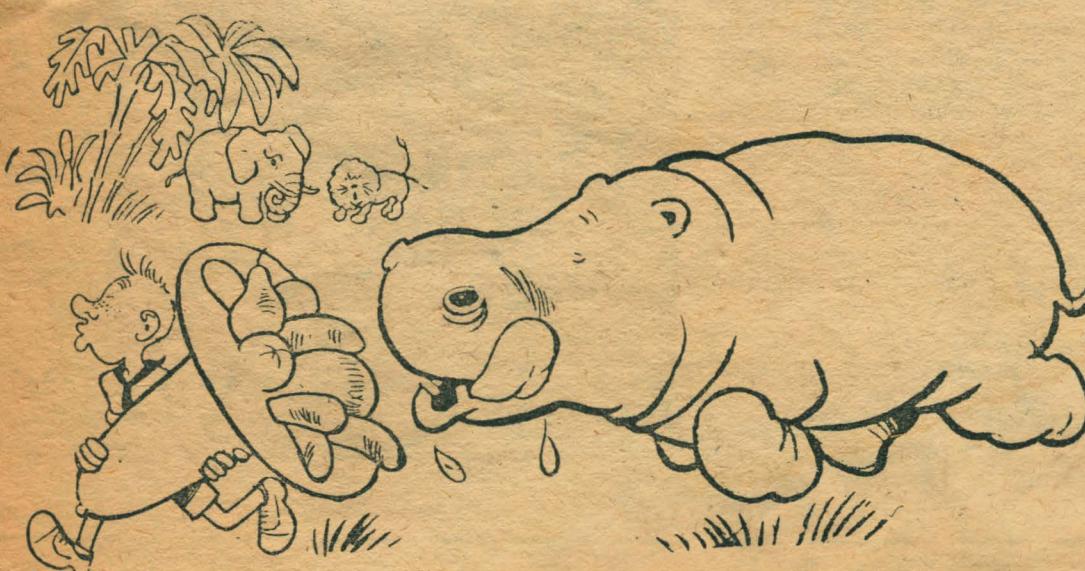
Где пароход, дымя, плывет.

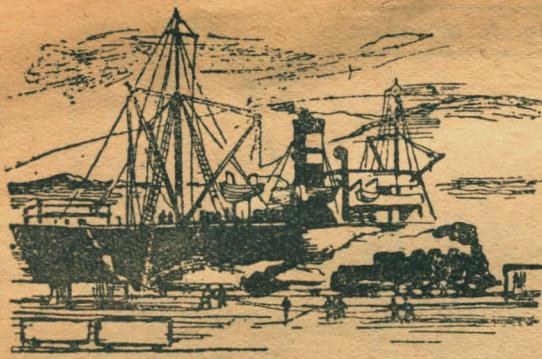
Я еду, набравши новые силы,

Домой, в дымящийся Донбасс,

Чтоб черный пласт кирна долбил

И был сильней рабочий клас...

И РАХТАНОВ

КУКИСВУМЧЕРР

Рисунки 3-й бригады художников

1932 • МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

**Тундра. Глущь. Изможденные суро-
вым климатом, мелкорослые бер-
езки, мхи. И вот в этой дикой перво-
бытности залегли каменные, неподвиж-
ные, как допотопные чудовища, горы.
Каменное мясо гор состоит из драгоцен-
ных минералов. Первым ученым, кото-
рый проник в Хибинские горы, был фин-
ский профессор Рамзай. Он сделал за-
мечательное открытие и написал об
этом книгу. Но на нее никто не обратил
внимания. Российская академия наук,
задавленная тяжелыми, как Хибинские
горы, предрассудками, рутиной и кос-
нностью, тоже не взглянула на эту книгу.
Хибины таили в своих недрах драгоцен-
ный жизнетворческий минерал — апатит.
В 1920 г. в Хибины, когда в стране бы-
ла разруха и голод, прибыла правитель-
ственная комиссия по восстановлению
народного хозяйства Севера. В состав ее
входил академик Ферсман. Апатит — это
камень плодородия, апатит — лучшее
фосфатное удобрение. Драгоценный
минерал апатит, минерал жизни, хлынул
мощным потоком на колхозные поля.
В Хибинах открыта опытная станция по
выращиванию сельскохозяйственных
культур на апатитовых удобрениях.**

«Некоторые растения из двухлетних превращаются на станции в однолетние, редка и свекла например дают в один и тот же год цветоносные стебли и плоды. Года через три в Москве можно будет есть ананас, привезенный из Хибиногорска.

И Рахранов в книге «Кукисвунчэрр» рассказывает все это нам с большим мастерством и волнением человека, который не только радуется победам социалистической стройки, но и понимает пути трудностей, которые нам приходится преодолевать для достижения

НУЖНО ПРОЧЕСТЬ

В. КОЖЕВНИКОВ

поставленных целей. Коротко, со скромной лаконичностью рассказывает он нам о встречаенных им людях. Но большое умение художника несколькими штрихами, деталями показать весь образ человека позволяет нам ощутить их близко и тепло, как будто мы их сами видели и где-то встречали. Скромного замечательного ученого — академика Ферсмана — мы полюбили, и почувствовали сразу, когда он без ложной академической стыдливости, щупывая «умными пальцами» новый минерал, искрение сознался, что он не знает его названия.

Книга написана хорошо, без фальшивых изысков, без пестрых туземных анекдотов.

**«Необычайные путешествия пионеров
Поля, Ольшанского, Восканьяна»**

(Огиз, «Молодая гвардия», 1933 г., ц. 1 р. 40 к.)

В любой стране, даже под самым тяжелым гнетом реакции растет и ширится коммунистическое движение. Молодежь, обединенная в нелегальные и легальные комсомольские и пионерские организации, воспитывается в труднейших условиях. Коммунистам приходится бороться не только с капиталистами, но и с их лакеями — социал-демократами, которые, смыкаясь с полицией, помогают ей отправлять в тюрьму и на катогрь вождей революционного движения. Из 30 полицей-президентов Пруссии 19 социал-демократов.

Авторы книги «Необычайные путешествия трех пионеров» рассказывают нам устами экскурсантов настоящую действительность капиталистического мира. Первым о своей поездке в Германию рассказывает Поль. Он хорошо и правильно ориентируется в экономической и политической жизни Германии, но факты, сообщаемые им, несмотря на то, что они хорошо подобраны, уже давно нам известны из газет, рассказанные газетным языком, они вызывают сразу холодок разочарования. Ведь какая интересная форма: пионер, наш советский пионер отправляется по всей Германии в путешествие. Но когда он оттуда вернулся, то он больше и лучше, чем об этом писали в «Пионерской правде», рассказать не мог. Стоило ли такого пионера послать в это интересное путешествие?

Второй маршрут Ольшанского — в Америку. Ну здесь занимательность несомненно лучше сочетается с фактами, чем у Поля. Только нужно отметить, что Ольшанский в свое путешествие отправился не совсем подготовленным. Например из Нью-Йорка он видит Детройт и Канаду.

Относительно месторасположения Детройта он ошиб-

ается дважды. Правда, редакция исправляет эти ошибки в примечании. Но лучше было бы, чтобы таких ошибок совсем не было. Нехорошая неряшливость. Когда Ольшанский рассказывает о своем путешествии в Америку простым и четким языком, то ему не только веришь, что он видел все сам, а не вычитал из газет, но даже ясно представляешь тех людей, которых он встречал.

Восканьян — во Франции. Он рассказывает о берущем на чай шофере как о пролетарии, зараженном буржуазной моралью. Он ходит на выставки, он замечает те улицы, по которым идет, и рассказывает о них. Он видит пролетариат Франции, борющийся и не сомневающийся в своей победе. Попав в Африку, Восканьян рассказывает нам волнующую историю героической борьбы риффов за национальную независимость, против французского империализма. Вождь риффов Абд-эль-Кrim партизанским отрядом своего племени в количестве 300 чел. разбил десятитысячную испанскую армию только потому, что они дрались за освобождение, а испанские солдаты — за угнетение, не нужное им, а нужное капиталистам.

Несмотря на указанные нами недочеты, «Необычайные путешествия» являются все-таки интересной культурной книгой. Все сведения, факты, которые собраны в ней, должен знать каждый пионер. Интересность формы и легкость языка облегчают эту задачу. Книга богато снабжена фотоиллюстрациями, документально подтверждающими рассказы путешественников.

В рабочем квартале Берлина

Отв. ред. Ел. КУЙБЫШЕВА

Отв. секретарь Н. Добровольский

Издатель Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 11/V. Подписано к печати 1/VI

Изд. № 546

Формат 1/8—74×108 см 1 б. л. 135.000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Р—56169

Типография газеты „Правда“ Москва. ул. им. Горького, д. 48.

Заказ № 1344

Тираж 40.000 экз.

